

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается
над своими противниками
подобно башне...
Это необыкновенная
личность, созданная
воображением писателя.

New Yorker

· ВСЕ · РАССЛЕДОВАНИЯ · НИРО · ВУЛФА ·

РЕКС СТАУТ

И трижды
был опущен
занавес

« И Н О С Т Р А Н К А »

Ниро Вульф

Рекс Стаут

И трижды был опущен занавес

«Азбука-Аттикус»

1951

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Стаут Р. Т.

И трижды был опущен занавес / Р. Т. Стаут — «Азбука-Аттикус»,
1951 — (Ниро Вульф)

ISBN 978-5-389-19417-5

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью. В сборник «И трижды был опущен занавес» вошли повести, в которых Вулф расследует небольшие, но тем не менее очень интересные дела.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-19417-5

© Стаут Р. Т., 1951
© Азбука-Аттикус, 1951

Содержание

Крылатый пистолет	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Рекс Стаут

И трижды был опущен занавес

© 1951 by Rex Stout CURTAINS FOR THREE

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency
All rights reserved

© А. Б. Ковжун, перевод, 2014

© Издание на русском языке, оформление

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство Иностранка®

Крылатый пистолет

Глава 1

Молодая женщина вынула из сумочки какой-то розовый листочек, поднялась с красного кожаного кресла, положила бумажку на стол Ниро Вулфа и уселась обратно. Я считал своим долгом быть в курсе происходящего, а к тому же хотел уберечь босса от необходимости тянуться через весь стол. Поэтому я встал, взял листочек и передал Вулфу, но сначала взглянул на него сам. Это был чек на пять тысяч долларов, выписанный на его имя сегодня, четырнадцатого августа, и подписанный Маргарет Майон. Мельком взглянув на чек, Вулф снова бросил его на стол.

– Я подумала, – сказала женщина, – что лучше всего начать разговор именно так.

Устроившись в кресле за своим столом, я внимательно разглядывал посетительницу. Пожалуй, не всегда первое впечатление самое верное. Когда она позвонила утром в субботу, чтобы договориться о встрече, у меня мелькнуло какое-то смутное воспоминание: несколько месяцев тому назад я вроде бы встречал фотографию миссис Майон в какой-то газете. Тогда я решил, что личная встреча с ней вряд ли будет приятной, но теперь усомнился в своей правоте. Обаяние этой женщины крылось не во внешности – между нами говоря, довольно заурадной, – но в том, как она умела этой внешностью пользоваться. Я вовсе не имею в виду какие-то ужимки. Постараюсь объяснить. Вот, например, губы у миссис Майон не были особенно привлекательными, даже когда она улыбалась, а вот улыбка – была. Глаза у нее тоже были самые обычные: карие, ничего особенного, но я с удовольствием наблюдал, как она озирается вокруг, переводит их с Вулфа на меня, а с меня – на мужчину, который явился вместе с ней и сидел теперь слева от спутницы. Я на глаз прикинул возраст миссис Майон: думаю, до тридцатилетнего юбилея ей оставалось еще года три, не меньше.

– А тебе не кажется, – спросил мужчина, – что сперва нам стоило бы уточнить кое-какие детали?

Голос его звучал напряженно и слегка хрипло, да и выражение лица у мужчины было соответствующее. Незнакомец был чем-то сильно обеспокоен и даже не пытался скрывать этого. При более подходящих обстоятельствах он вполне мог бы сойти за лидера нации, решительного и целеустремленного – учитывая, какие у него были глубоко посаженные серые глаза и мощный волевой подбородок, – но только не в этой позе. Бедняга скрючился на стуле так, словно что-то грызло его изнутри. Миссис Майон представила нам своего спутника как мистера Фредерика Уэплера. Я знал это имя (Уэплер вел музыкальную колонку в «Газетт»), но не смог припомнить, упоминалось ли оно в связи с событием, из-за которого фотографии миссис Майон попали в прессу.

Повернувшись к нему, наша посетительница слегка покачала головой:

– А какой в этом смысл, Фред? Право, никакого. Давай уж мы сразу выложим всё как есть и послушаем, что нам скажут. – И она улыбнулась Вулфу; впрочем, я не уверен, что это была именно улыбка, а не оригинальный способ складывать губки. – Мистер Уэплер не слишком хотел приходить сюда, и мне пришлось его уговаривать. Мужчины по натуре своей осмотрительнее женщин, не так ли?

– Да, – согласился Вулф и добавил: – Слава Всевышнему.

Она кивнула:

– Полагаю, вы правы. – Последовал взмах руки. – Этот чек доказывает серьезность наших намерений. Мы попали в беду и нуждаемся в вашей помощи. Видите ли, какое дело: мы хотим пожениться, но не можем. То есть... наверное, я должна говорить только за себя... Я хочу

выйти замуж за Фреда. – Она посмотрела на Уэплера; сейчас на ее губах, несомненно, играла улыбка. – А ты хочешь жениться на мне, Фред?

– Да, – пробормотал он, затем вдруг вскинул подбородок и вызывающе уставился на Вулфа. – Ну до чего же неловкая ситуация, не правда ли? Наши отношения никоим образом вас не касаются, и все-таки мы явились к вам за помощью. Мне тридцать четыре года, и я впервые... – Он немного помолчал, а потом сухо произнес: – Я люблю миссис Майон и хочу на ней жениться. Больше всего на свете. – Тут взгляд Уэплера обратился к возлюбленной, и он тихо взмолился: – Пегги!

Вулф хмыкнул:

– Будем считать это установленным фактом. Вы оба мечтаете о свадьбе. Что же вам мешает?

– Мы не можем пожениться, – сказала Пегги. – Ну просто никак. Все из-за... возможно, вы помните, что писали газеты о смерти моего мужа? Это было в апреле, четыре месяца назад. Альберто Майон, оперный певец.

– Да, что-то такое было. Напомните мне, пожалуйста.

– Ну, он умер... совершил самоубийство. – Теперь от ее улыбки и следа не осталось. – Фред... то есть мистер Уэплер и я нашли тело. Это случилось в апреле, в семь часов вечера, во вторник, в нашей квартире на Ист-Энд-авеню. Как раз в тот день мы с Фредом поняли, что любим друг друга, и...

– Пегги! – резко перебил ее Уэплер.

Она бросила на него взгляд и вновь обратилась к Вулфу:

– Полагаю, сперва стоит уточнить. Фред считает, нам следует сообщить лишь информацию, необходимую, дабы ввести вас в курс дела. А мне кажется, чтобы вы смогли разобраться, следует рассказать абсолютно все. Вы сами как думаете?

– Там видно будет. Продолжайте. Если возникнут вопросы, я их задам.

Миссис Майон кивнула:

– Наверняка у вас возникнет масса вопросов. Скажите, вы когда-нибудь любили, но так, что скорее умерли бы, чем позволили кому-то это заметить?

– Никогда, – категорично заявил Вулф.

Я сделал каменное лицо.

– А вот мне, признаться, довелось пережить подобное. И никто о моей любви не знал, даже он сам. Правда, Фред?

– Правда, – без колебаний подтвердил Уэплер.

– Вплоть до того самого вечера, – продолжала свой рассказ Пегги. – Фред был у нас в гостях, и это произошло сразу после ланча. Остальные вышли, и мы вдруг посмотрели друг на друга, и тогда он заговорил или я заговорила – уже и не помню. – Она умоляюще посмотрела на Уэплера. – Да, конечно, Фред, тебя все это сильно смущает. Но если мистер Вулф не узнает, как было дело, он не поймет, с какой стати ты вдруг отправился наверх поговорить с Альберто.

– А ему обязательно это понимать? – с вызовом спросил Уэплер.

– Ну конечно. – Она повернулась к Вулфу. – Боюсь, мне вряд ли удастся это вам объяснить. Мы были всецело... одним словом, мы были влюблены – вот и все. И мне кажется, это продолжалось довольно долго, но никогда не обсуждалось вслух, отчего чувство лишь... захватило нас еще сильнее. Фред хотел немедленно открыться моему мужу, рассказать обо всем и вместе решить, как быть дальше. Я согласилась, и он поднялся туда...

– Поднялся?

– Да, у нас двухэтажная квартира, и наверху мой муж устроил студию со звуконепропускаемыми стенами. Он там репетировал. Так вот, Фред отправился...

– Прошу тебя, Пегги, – прервал ее Уэплер; его взгляд уперся в Вулфа. – Вы должны услышать это из первых уст. Я поднялся сказать Майону, что люблю его жену, а она любит меня,

и попросить его отнестись к этому известию, как и подобает цивилизованному человеку. Получить развод по нынешним временам считается обычным делом, однако Майон думал иначе. Он просто взбесился. Нет, он не бросился на меня с кулаками, но вел себя чертовски гнусно. Поначалу я терпел, но потом понял, что могу сотворить с ним то же самое, что и Гиф Джеймс, и ушел. Мне не хотелось возвращаться к миссис Майон в таком настроении, поэтому я вышел из студии через дверь верхнего холла и оттуда спустился на лифте. – Он замолчал.

– Ну и?.. – подбодрил его Вулф.

– Я решил прогуляться по парку, и это помогло. Какое-то время спустя я совсем успокоился, позвонил миссис Майон, и мы встретились в парке. Я рассказал, какую сцену закатил ее муж, предложил немедленно бросить его и уйти ко мне. Но она отказалась. – Уэплер помолчал немного и заговорил снова: – Коли уж вам действительно нужно знать все, то есть два момента, которые усложняют дело.

– Если это важно, расскажите.

– Полагаю, что важно. Во-первых, миссис Майон имела, да и сейчас имеет собственные деньги. Для Майона это было существенно. В отличие от меня. Просто сообщаю вам сей факт.

– Благодарю. А какой второй момент?

– Ну, есть еще причина, по которой миссис Майон отказалась немедленно уйти от мужа. Полагаю, вы знаете, что на протяжении пяти или шести лет он был ведущим тенором в Метрополитен-опере, а потом у него пропал голос... правда, врачи считали, что не навсегда. Гиффорд Джеймс, баритон, ударил его кулаком в горло, повредил гортань... это случилось в начале марта... и Майон не смог завершить сезон. Его прооперировали, но голос пока еще не вернулся. Из-за этого он, естественно, пребывал в подавленном настроении, и в подобных обстоятельствах миссис Майон не хотела бросать мужа. Я пытался ее переубедить, но безуспешно. Это и без того был самый сложный день в моей жизни, да вдобавок еще Майон наговорил мне гадостей, – словом, я был окончательно выбит из колеи. Оставил Пегги в парке, а сам отправился в центр, нашел там бар и решил выпить. Прошло много времени, я выпил уже немало, но еще мог соображать. Где-то ближе к семи часам я решил, что должен увидеть Пегги снова и убедить ее все-таки покинуть мужа: уж очень мне не хотелось, чтобы она провела в его доме еще одну ночь. Я вернулся на Ист-Энд-авеню, поднялся на двенадцатый этаж, там минут десять постоял в холле и лишь потом отважился нажать кнопку звонка. Горничная открыла дверь, впустила меня и отправилась за миссис Майон. Но к тому времени у меня уже не осталось решимости: видно, нервы сдали. Я всего-навсего предложил Пегги отправиться к ее мужу и вместе с ним поговорить. Она согласилась, мы поднялись наверх и...

– На лифте?

– Нет, по внутренней лестнице. Мы вошли в студию, и Майон лежал на полу. Подошли поближе. Он был мертв, в затылке у него зияла большая дыра. Я вывел миссис Майон из комнаты, заставил уйти, и на лестнице – слишком узкой, чтобы идти вместе рядом, – она споткнулась и скатилась по ступенькам вниз. Я отнес Пегги в ее комнату, положил на кровать и побежал было в гостиную, к телефону, но тут мне пришло в голову, что сначала надо сделать кое-что еще. Я вышел, спустился на лифте на первый этаж, нашел там швейцара и лифтера и спросил у обоих, кто поднимался в тот вечер в квартиру Майонов, на двенадцатый или тринадцатый этаж. Я попросил их подумать как следует и ничего не упустить. Они назвали имена, которые я записал. Затем я вернулся в квартиру и вызвал полицию. После чего вдруг подумал, что лишь врач может засвидетельствовать, что человек действительно мертв, а потому позвонил доктору Ллойд, квартира которого расположена в том же здании. Он пришел сразу, и я отвел его в студию. Мы пробыли там не более трех-четырех минут, когда приехал первый полицейский, и, само собой...

– Прошу прощения, – сердито вставил Вулф. – Подробности в нашем деле важны, но все хорошо в меру. Вы пока даже не намекнули на причину ваших затруднений.

– Дойдем и до этого...

– Позвольте вам помочь, дабы ускорить рассказ. Я в общих чертах помню, что писали тогда в газетах. Врач и полицейские констатировали, что Майон мертв. Он застрелился, сунув дуло в рот, и вылетевшая пуля разнесла ему череп. Револьвер, лежавший на полу рядом с телом, принадлежал погибшему и хранился здесь же, в студии. Признаков борьбы в комнате и следов насилия на теле не обнаружили. Потеря голоса выглядела весьма убедительным поводом для того, чтобы оперный певец решил свести счеты с жизнью. Таким образом, в ходе обычного в таких случаях расследования полиция пришла к выводу, что имело место самоубийство. Согласитесь, достаточно сложно вставить человеку в рот ствол заряженного револьвера, не вызвав сопротивления с его стороны. Я верно изложил факты?

Оба утвердительно кивнули.

– И что, теперь полиция вновь открыла дело? Или поползли слухи?

Оба отрицательно замотали головой.

– Так в чем же тогда проблема?

– В нас самих, – сказала Пегги.

– А что с вами не так?

– Все. – Она неопределенно взмахнула рукой. – Нет, я не так выразилась... Не все, конечно, а только одно. После смерти мужа и... этого расследования я ненадолго уехала. А когда вернулась... в общем, за последние два месяца мы с Фредом провели вместе какое-то время, но что-то было не так, что-то с нами обоими случилось. Позавчера, в пятницу, я поехала на уик-энд в гости к друзьям в Коннектикут, и он тоже оказался там. Мы заранее не договаривались, а встретились абсолютно случайно. И вчера вечером мы допоздна обсуждали с ним ситуацию, а потом еще сегодня с утра и в результате решили обратиться к вам с просьбой о помощи, – вернее, это я решила, но Фред в любом случае не позволил бы мне прийти одной. – Пегги подалась вперед и с невероятно серьезным выражением лица заявила: – Вы непременно должны нам помочь, мистер Вулф. Я до того люблю Фреда... так его люблю! И он тоже любит меня, я уверена! Вчера вечером мы решили, что поженимся в октябре, а потом завели этот разговор... Но тут все дело не в словах даже, а в наших глазах, когда мы смотрим друг на друга. Мы просто не можем сыграть свадьбу: ведь во взгляде каждого из нас таится страшный вопрос. – По телу ее пробежала дрожь. – Представляете, если это вдруг растянется на годы... или на целую вечность? Немыслимо! Мы оба уверены, что не вынесем подобного кошмара! Все сводится к главному, одному-единственному вопросу: кто убил Альберто? Может быть, Фред? Или я? Честно сказать, я не думаю, что это сделал Фред, а он не считает виноватой меня... по крайней мере, я надеюсь... Но этот вопрос прячется в наших глазах, и мы оба это чувствуем! – Миссис Майон протянула обе руки к Вулфу и завершила: – Умоляю вас, найдите убийцу!

Вулф хмыкнул:

– Ну и вздор! Вас обоих стоило бы отшлепать или сводить к психиатру. Наша полиция, конечно, не безупречна, но там ведь тоже не дураки работают. Если их ничто не насторожило...

– В том-то и дело! Насторожило бы, и еще как, расскажи мы всю правду!

– Та-ак, – поднял брови Вулф. – Выходит, вы им солгали?

– Ну да. Вернее, не то чтобы солгали, но и не сообщили всей правды. Мы не сказали, что, когда в первый раз вместе вошли в студию, там не было пистолета. Его нигде не было видно.

– Вот как. И вы в этом уверены?

– На все сто процентов. Я этого до самой смерти не забуду. Эта страшная картина до сих пор стоит у меня перед глазами. Нет, пистолета в студии определенно не было.

Вулф повернулся к Уэплеру:

– Вы с ней согласны, сэр?

– Да. Абсолютно.

Вулф вздохнул.

– Что ж, – признал он, – теперь я вижу, что вы и впрямь попали в беду. Беру свои слова обратно.

Я заерзал в кресле, почувствовав холодок в спине. Надо вам сказать, что жить и работать в старом особняке Вулфа на Западной Тридцать пятой улице для всех нас очень увлекательно. Под «всеми нами» я подразумеваю Фрица Бреннера, непревзойденного повара и дворецкого; Теодора Хорстмана, который холит и лелеет тысячи орхидей в оранжерее на крыше; а также самого себя, Арчи Гудвина, чье поле деятельности – просторный кабинет на первом этаже. Естественно, свою работу я считаю самой интересной: у ближайшего помощника знаменитого частного детектива жизнь очень яркая и насыщенная. Каких дел мы только не расследуем – от кражи коле до хитроумнейших методов шантажа. Признаться, очень редко попадаются клиенты, которые заставляют меня скучать. Но есть лишь одна разновидность дел, которая вызывает у меня холодок в спине, – убийства. И если сейчас эта влюбленная парочка верно изложила факты, мы вновь столкнулись с убийством.

Глава 2

Два часа спустя Фред и Пегги собрались уходить. К тому времени я уже успел исписать два блокнота.

Если бы они все хорошенько продумали, прежде чем позвонить и договориться о встрече с Вулфом, то, пожалуй, не стали бы и звонить. Как образно выразился мой босс, эти двое попросту хотели луну с неба. Судите сами. Во-первых, они требовали, чтобы Вулф расследовал убийство четырехмесячной давности, сохраняя при этом в тайне, что убийство вообще имело место. Во-вторых, нужно было доказать, что никто из означенной парочки не убивал Майона, а этого можно было добиться лишь одним-единственным способом: найти настоящего преступника. И наконец, в-третьих: если бы вдруг Вулф все-таки пришел к выводу, что убийца кто-то из них двоих, ему следовало немедленно об этом забыть и прекратить расследование. Правда, последнее не было сказано открытым текстом, однако догадаться об их пожеланиях было несложно.

Вулф изложил свою позицию четко и однозначно:

– Если я возьмусь за это дело и обнаружу улики, изобличающие в убийстве кого бы то ни было, я сам буду решать, как ими распорядиться. Я не считаю себя Немезидой, но и связывать себе руки тоже не желаю. Впрочем, если вы хотите отказаться от своей затеи прямо сейчас, пожалуйста, можете забрать чек. Блокноты мистера Гудвина мы уничтожим, а о вашем визите забудем. Ну, что скажете?

Они были буквально на волосок от того, чтобы встать и уйти, – мистер Уэпплер в особенности, – но так этого и не сделали. К тому времени я уже проникся к ним симпатией и даже начал восхищаться, черт побери, той решимостью, с которой они готовы были вместе выбираться из ловушки, в которую угодили. Фред и Пегги переглянулись, и это было красноречивее любых слов. Сначала их глаза сказали: «Уйдем и будем вместе, любовь моя, и забудем об этом... Пошли же!» А потом: «Ах, это будет чудесно!» И наконец: «Да, конечно, но вот только... Мы ведь не хотим, чтобы эта чудесная жизнь длилась день или неделю. Мы хотим, чтобы нам всегда было чудесно вдвоем, однако мы знаем, что...»

Требовались недюжинные силы, чтобы вот так держаться друг за дружку: ах, любовь, любовь! – неудивительно поэтому, что и я, сам того не желая, расчувствовался, глядя на эту парочку. А также и на их чек, лежавший на столе у Вулфа.

Блокноты мои были полны самых разнообразных сведений. В них перечислялись тысячи фактов, которые могли оказаться (хотя и вовсе не обязательно) существенными, например: обоюдная неприязнь между Пегги Майон и Рупертом Гроувом, импресарио ее мужа; инцидент с Гиффордом Джеймсом, когда тот прилюдно врезал Майону по шее; то, как отреагировало множество различных людей на требование Майона выплатить ему компенсацию за причиненный ущерб. Использовать сразу все эти сведения невозможно, да и Вулфу обычно бывало достаточно лишь нескольких ключевых фактов, так что я в своем рассказе буду избирателен. Конечно же, главным экспонатом всей обширнейшей коллекции был пистолет. Совсем новенький: Майон купил оружие на следующий день после того, как Гиффорд Джеймс набросился на него с кулаками и повредил ему гортань, – как он сам же и объявил, не с целью отомстить Джеймсу, а для защиты на будущее. Муж Пегги постоянно носил пистолет в кармане, а дома держал его в студии, на подставке с бюстом Карузо. Насколько было известно, из этого пистолета выпустили всего одну пулю – ту самую, что убила самого Майона.

Когда появился доктор Ллойд и Уэпплер отвел его в студию, оружие обнаружилось на полу, рядом с коленом Майона. Ллойд протянул было руку, но вовремя отдернул ее, вспомнив, что на месте происшествия ничего трогать нельзя; там пистолет и нашли прибывшие копы. Пегги была совершенно уверена, что, когда они с Фредом вошли в студию в первый раз, писто-

лета там не было, и Уэпплер тоже подтверждал это. Копы ничего не сказали об обнаруженных отпечатках пальцев, но тут ничего особенного нет: вообще говоря, на оружии редко находят «пальчики», пригодные для опознания. На протяжении двух с половиной часов нашей беседы Вулф то и дело возвращался к таинственному исчезновению и возвращению пистолета: не могли же у того вырасти крылышки.

Теперь мы полностью представляли себе события того дня и всех тех, кто в них участвовал. Поскольку утром ничего существенного не произошло, начнем нашу хронологию с ланча, на котором присутствовали пятеро: Майон, Пегги, Фред, некая Адель Босли и доктор Ллойд. Встреча носила скорее деловой, нежели дружеский характер. Фреда позвали, потому что Майон хотел уговорить его сочинить заметку для «Газетт», где говорилось бы, что слухи, якобы Майон никогда больше не сможет петь, – всего лишь происки злопыхателей и не имеют под собой никакого основания. Адель Босли, которая заведовала связями с общественностью в Метрополитен-опере, явилась, чтобы помочь уломать Фреда. Доктор Ллойд был приглашен с целью подтвердить Уэпплеру, что операция, которую он произвел на гортани Майона, прошла успешно и, судя по всему, к моменту открытия нового оперного сезона в ноябре великий тенор сможет полностью восстановиться. За столом не произошло ничего примечательного, разве что Фред дал согласие написать статью. Затем Адель Босли и Ллойд ушли, Майон поднялся в свою студию, а Фред и Пегги поглядели друг на дружку и внезапно сделали важное открытие: старая история, известная еще с библейских времен.

Спустя час или около того состоялась другая встреча, на этот раз уже в студии наверху, где-то в половине четвертого, но ни Фред, ни Пегги на ней не присутствовали. К тому времени Уэпплер успокоил свои нервы прогулкой на свежем воздухе, позвонил возлюбленной, и она отправилась к нему в парк, так что о собрании в студии оба знали лишь понаслышке. Помимо Майона и доктора Ллойда, там присутствовали еще четверо: вышеупомянутая Адель Босли; Руперт Гроув, импресарио Майона; Гиффорд Джеймс, тот самый баритон, что шестью неделями ранее двинул Майона по шее, а также судья Генри Арнольд, представлявший интересы мистера Джеймса. Эта встреча была еще менее дружеской, чем посиделки за ланчем: ее устроили специально для того, чтобы обсудить судебный иск, который Майон подал, требуя от Гиффорда Джеймса четверть миллиона баксов в качестве компенсации за ущерб, причиненный ему травмой гортани.

По сведениям Фреда и Пегги, временами обстановка в переговорной сильно накалялась, причем температура подскочила в самом начале, когда Майон взял с подставки бюста Карузо пистолет и положил его рядом с собой на стол. Дальнейшие перемещения пистолета были обрисованы весьма схематично, поскольку оба не присутствовали на переговорах, но в любом случае оружие так и не выстрелило. Кроме того, имелось немало фактов, свидетельствующих о том, что, когда все разошлись, Майон был жив и здоров, за исключением поврежденной гортани. По окончании переговоров он сделал два звонка – своему парикмахеру и состоятельной меценатке, покровительнице оперного искусства; спустя недолгое время певцу позвонил его импресарио Руперт Гроув; и наконец, около половины шестого Майон звякнул вниз с просьбой принести ему бутылку вермута и немного льда, что и было исполнено. Когда горничная внесла поднос в студию, тенор был цел и невредим.

Я старался максимально точно заносить в свой блокнот все упомянутые имена, поскольку по всему выходило, что нам предстоит прикрепить к одному из них ярлычок «убийца». Особенно тщательно я записал имя, которое прозвучало последним: Клара Джеймс, дочь Гиффорда. Эта кандидатура показалась мне любопытной тройне. Во-первых, причиной, побудившей Гиффорда к рукоприкладству, была его уверенность или подозрение – Фред с Пегги не знали точно – в том, что Майон перешел грань дозволенного в общении с его дочерью. Во-вторых, ее имя стояло последним в списке посетителей, который в тот вечер составили для Фреда лифтер со швейцаром. Они сказали, мисс Джеймс явилась примерно в четверть седь-

мого и вышла из лифта на тринадцатом этаже, где располагалась студия Майона, а чуть позже, минут через десять, вызвала лифт уже с площадки двенадцатого этажа, спустилась вниз и ушла. И наконец, у нас имелись показания Пегги, которая, расставшись с Фредом, провела в парке еще какое-то время, а потом вернулась домой – это было около пяти часов. Она не стала подниматься в студию и не видела мужа. А где-то после шести, по ее прикидке около половины седьмого, Пегги услышала звонок в дверь и сама пошла открывать, потому что горничная была на кухне с поваром. За дверью стояла Клара Джеймс. Она была очень бледная и вся на нервах, но, с другой стороны, это для нее обычное состояние. Она хотела повидать Альберто, и Пегги ответила, что муж, наверное, у себя в студии. Но Клара возразила, что его там нет, однако это не так уж важно. Когда гостя вызвала лифт, Пегги закрыла дверь: она в тот момент не желала никого видеть, и уж меньше всего – Клару Джеймс.

Приблизительно через полчаса вновь явился Фред, и они оба поднялись в студию, где обнаружилось, что Альберто все-таки там, хотя теперь уже никак нельзя было назвать его целым и невредимым.

Эта схема оставляла место для множества вопросов – задавай хоть всю ночь, – но Вулф сосредоточился на тех аспектах, которые считал ключевыми. Так или иначе, пошел уже третий час беседы, а я открыл третий блокнот. Вулф обошел вниманием некоторые моменты, которые, на мой взгляд, требовалось прояснить: скажем, была ли у Альберто привычка преступать грань дозволенного с чужими дочерьми и/или женами, а если да – назовите, пожалуйста, имена и фамилии. Из услышанного я заключил, что покойный придерживался широких взглядов насчет женщин вообще и чужих женщин в частности, но это, очевидно, не интересовало Вулфа. Ближе к концу беседы он опять вернулся к пистолету. Когда в очередной раз выяснилось, что тут нашим клиентам добавить нечего, он нахмурил брови и сделался язвительным. В ответ оба лишь развели руками, и тут он наконец не выдержал:

– Ну и кто из вас лжет?

Вопрос, похоже, их обидел.

– Это ни к чему не приведет, – с горечью сказал Фред Уэпплер. – Мы не меньше вашего заинтересованы в результате.

– Было бы просто глупостью, – заметила Пегги Майон, – явиться сюда, вручить чек на кругленькую сумму и после этого пытаться вас обмануть.

– Значит, вы глупы, – холодно парировал Вулф и погрозил ей пальцем. – Послушайте, все это похоже на правду, за исключением одного-единственного, совершенно абсурдного факта. Кто положил пистолет на пол рядом с телом? Когда вы в первый раз вошли в студию, его там не было: вы оба готовы в этом поклясться, и я вам верю. Когда вы затем покинули помещение и начали спускаться по лестнице, миссис Майон споткнулась, и мистер Уэпплер отнес ее к ней в комнату. Я так понимаю, что сознание вы не теряли, так ведь? – обратился он к Пегги.

– Нет. – Та выдержала его испытующий взгляд. – Я и сама могла бы дойти, но он... Фреду захотелось отнести меня.

– Ясно. Значит, вы остались в своей комнате. А мистер Уэпплер тем временем спустился в подъезд, чтобы заполучить список тех, кто подходит на роль убийцы, – проявив при этом, кстати сказать, похвальную предусмотрительность, – после чего вернулся и позвонил сперва в полицию, а затем врачу, который явился без промедления, поскольку проживает в том же здании. Прошло не более четверти часа с той минуты, как вы с мистером Уэпплером вышли из студии, и он вновь вошел туда в обществе врача. Дверь, ведущая из студии на лестничную клетку, оснащена автоматическим замком, который срабатывает, когда ее закрывают, так что дверь была закрыта и заперта. Никто, по всей видимости, не мог проникнуть туда за эти пятнадцать минут. Вы говорите, что встали с кровати и вышли в гостиную, так что и этим путем никто не смог бы воспользоваться, оставшись незамеченным. Горничная и повар находились

в кухне и не подозревали о происходящем. Значит, никто не мог войти в студию и положить пистолет на пол.

– Но кто-то же положил, – угрюмо возразил Фред.

Пегги упрямо стояла на своем:

– И мы понятия не имеем, у кого мог быть ключ.

– Это вы уже говорили! – взорвался Вулф. – Но даже если у каждого в доме был ключ, я все равно в это не верю, да и никто бы не поверил. – Он перевел взгляд на меня. – Арчи, по-твоему, подобное возможно?

– Ну, если только в кино, – ответил я.

– Видите?! – гаркнул Вулф. – Мистер Гудвин относится к вам без предвзятости, совсем напротив. Ради вас он готов таскать каштаны из огня: вон с каким неподдельным интересом он наблюдает за тем, как вы смотрите друг на друга, даже про записи свои позабыл. Но даже он согласится, когда я скажу, что вы мне лжете. Поскольку никто другой просто не мог положить на пол пистолет, это сделал кто-то из вас. И я должен об этом знать. Наверняка к этому вас вынудили обстоятельства или же вам показалось, что другого выхода нет. – Он посмотрел на Фреда. – Предположим, вы выдвинули ящик комода миссис Майон, чтобы достать нюхательную соль, и увидели там пистолет, а запах пороха подсказал вам, что из него недавно стреляли. Ясно, что в подобной ситуации вы бы немедленно решили, что кто-то подложил оружие туда специально, чтобы бросить на нее тень подозрения. Какой поступок стал бы в таком случае самым естественным? Тот, который вы и совершили: отнести пистолет наверх и положить рядом с телом, ничего не сказав своей возлюбленной. Или...

– Вздор! – отрезал Фред. – Полный вздор!

Вулф перевел взгляд на Пегги:

– Теперь предположим, что это вы нашли пистолет в своей спальне, когда мистер Уэпpler вышел, чтобы спуститься вниз за списком посетителей. Естественно, вам бы захотелось...

– Какая-то нелепица! – с жаром возразила Пегги. – Как мог пистолет оказаться в моей спальне, если только не я сама его туда положила? В половине шестого мой муж был еще жив, а я вернулась домой раньше и все время находилась в гостиной и в своей комнате, пока в семь не вернулся Фред. Поэтому, если только вы не подразумеваете...

– Ладно, – уступил Вулф. – Пусть не в спальне, а где-нибудь в другом месте. Я не смогу продолжить расследование, пока не получу ответ. Проклятье! Пистолеты не умеют летать. Я не удивлюсь, если другие фигуранты по этому делу выльют на меня целые ушаты вранья, по крайней мере один из них. Но от вас я надеялся услышать только правду.

– Мы сказали вам чистую правду, – заявил Фред.

– Да ничего подобного. Я так не считаю.

– Стало быть, мы зашли в тупик! – С этими словами Фред поднялся на ноги. – Что дальше, Пегги? Ситуация патовая.

Они опять взглянули друг на друга, и спектакль начался по новой. Когда они дошли до того места в сценарии, где глаза говорили друг другу: «Мы хотим, чтобы нам всегда было чудесно вдвоем», Фред уселся снова.

Тем временем Вулф, в отличие от меня не следивший за беззвучной беседой посетителей, решил вмешаться.

– Когда на доске возникает патовая ситуация, – сухо произнес он, – это означает конец игры, насколько я знаю.

Решать, как видно, предоставили мне. Если Вулф открыто объявит, что игре конец, его уже ничто не сдвинет с места. Поэтому я встал, взял с его стола симпатичную розовую бумажку, переложил ее на свой стол и придавил пресс-папье. После чего уселся в кресло, ухмыльнулся Вулфу и заметил:

– Вы, безусловно, правы, однако такое у нас случалось и прежде. Когда-нибудь на досуге надо составить список клиентов, которые сидели тут и без зазрения совести ввалили прямо нам в глаза. Туда наверняка попадут Майк Уолш и Калида Фрост и тот парень из кафе, Пратт... да, пожалуй, их наберется не один десяток. Ну так что же? Деньги их не были фальшивыми, а я пока еще не настолько отстал в своих заметках, чтобы не суметь наверстать упущенное. Неужели все наши труды насмарку?

– Кстати, об этих заметках, – решительно вставил Фред Уэпплер. – Мне бы хотелось кое-что уточнить.

Вулф перевел глаза на него, и он ответил не менее твердым взглядом.

– Мы явились сюда, – начал Фред, – чтобы на условиях конфиденциальности рассказать вам о возникшем затруднении и попросить вас провести расследование. Вы обвиняете нас во лжи, и это заставило меня усомниться в разумности предпринятого нами шага, но, если миссис Майон захочет продолжать, я подчинюсь. Так или иначе, имейте в виду: в случае разглашения сведений, которыми мы с вами поделились, – если вдруг полиция или еще кто-то узнает, что, когда мы вошли в студию, пистолета на полу не было, – мы будем все отрицать, несмотря на эти ваши чертовы записи. Мы все будем отрицать! Мы скажем, что этого разговора не было! – Он посмотрел на свою возлюбленную. – Другого пути нет, Пегги! Ты со мной согласна?

– Он не расскажет полиции, – с убежденностью в голосе возразила Пегги.

– Может, и нет. Но если вдруг расскажет, ты подтвердишь, что нас тут не было. Правда?

– Ну конечно, – произнесла она таким тоном, будто обещала Фреду помочь изловить гремучую змею.

Вулф глядел на них во все глаза, крепко сжав губы. Очевидно, вовремя вспомнив про чек на моем столе, он решил добавить еще пару имен в список лгущих ему клиентов и начать все с чистого листа. Вулф широко раскрыл глаза, давая им отдохнуть, а затем наполовину прикрыл снова и заговорил:

– Поймите меня правильно: разумеется, я исхожу из предположения о вашей невинности. Но я всегда рассматриваю одновременно множество гипотез, большинство из которых оказываются ошибочными. Это нормальный рабочий момент. Ладно, следующий вопрос. Есть ли у вас предположения относительно того, кто мог убить мистера Майона?

Наши клиенты ответили отрицательно.

Вулф фыркнул:

– А у меня есть.

Оба изумленно вытаращились на него.

– Да, – кивнул он, – это всего лишь очередная гипотеза, но мне она нравится. Чтобы подтвердить или опровергнуть предположение, придется поработать. Для начала мне необходимо встретиться с людьми, которых вы упомянули, – со всеми шестью, – и я бы предпочел не откладывать дело в долгий ящик. Поскольку вы не хотите, дабы им стало известно, что я расследую убийство, нужно выдумать какой-нибудь благовидный предлог. Миссис Майон, оставил ли ваш муж завещание? – (Она кивнула.) – И наследницей в нем значитесь вы?

– Да, я... – Она шевельнула рукой. – Но я не нуждаюсь в этих деньгах и не хочу брать их.

– Тем не менее по закону они ваши. Это нам подходит. В причитающееся вам наследство вписана и сумма, которую мистера Джеймса, как ожидается, обяжут выплатить в качестве компенсации за побои, нанесенные вашему покойному супругу. Вы имеете полное право получить эти деньги. Те шестеро, кого я хочу видеть у себя, так или иначе связаны с этой историей. Я немедленно напишу им всем и сегодня же курьерской почтой отправлю письма, где сообщу, что представляю ваши интересы в данном деле и хочу встретиться с ними у себя в кабинете завтра, во второй половине дня.

– Это невозможно! – потрясенно вскричала Пегги. – Нет, на такое я не пойду! У меня и в мыслях не было требовать от Гифа возмещения ущерба...

Вулф шарахнул кулаком по крышке стола.

– Проклятье! – взревел он. – Немедленно выметайтесь отсюда! Оба! Вы что же, воображаете, будто я найду убийцу, вырезая из бумаги снежинки? Сначала вы мне лжете, а теперь еще и отказываетесь лишний раз побеспокоить подозреваемых, один из которых и есть убийца! Арчи, проводи их к выходу!

– С удовольствием, – пробормотал я, – поскольку и сам сыт по горло этой историей. – Я смерил незадачливых клиентов испепеляющим взглядом и посоветовал им: – Попробуйте обратиться в Армию спасения. У них имеется богатый опыт оказания помощи людям, угодившим в неприятные ситуации. Блокноты с моими заметками можете прихватить с собой, по первоначальной цене. Содержимое – бесплатно.

Они снова уставились друг на дружку.

– Думаю, мистеру Вулфу так или иначе следует с ними встретиться, – протянул Фред. – Для этого нужна причина, и, должен признать, эта вполне нам подходит. В любом случае мы ничего не теряем...

И Пегги уступила.

Уточнив еще кое-какие детали, в том числе записав необходимые адреса, мы наконец отпустили новых клиентов. Причем атмосфера в кабинете на момент прощания была настолько далека от сердечной, что можно было подумать, будто эти двое вовсе даже и не клиенты, а самые что ни на есть настоящие преступники. Так или иначе, розовый чек остался у меня на столе.

Когда, затворив за посетителями дверь, я вернулся в кабинет, Вулф сидел с закрытыми глазами, откинувшись на спинку кресла и брезгливо морщась.

Я потянулся и зевнул.

– А это будет интересно, – воодушевленно сказал я, – замаскировать расследование под попытку получить компенсацию. Если среди этих шестерых и впрямь окажется убийца, посмотрим, долго ли нам удастся водить его за нос. Готов спорить, злоумышленник сообразит, что угодил в ловушку, прежде чем присяжные вынесут вердикт.

– Помолчи, – пробурчал Вулф. – Эти тупицы...

– О, сжальтесь над ними, – запротестовал я. – Влюбленным вообще не полагается думать, потому-то им и приходится нанимать опытных мыслителей. Они выбрали вас: радуйтесь и гордитесь этим. Когда ты влюблен, ложь так легко срывается с губ! Стоило мне увидеть...

– Заткнись, – попросил Вулф и приоткрыл глаза. – Бери блокнот. Эти письма нужно отправить незамедлительно.

Глава 3

На посиделках, которые состоялись вечером в понедельник и длились никак не меньше трех часов, об убийстве никто и словом не обмолвился. Но все равно весельем там даже и не пахло. Из текста разосланных Вулфом писем было ясно, что, действуя в интересах миссис Майон, он вознамерился выяснить, нельзя ли выудить из Гиффорда Джеймса достаточную сумму, не прибегая к помощи адвокатов и судей, а также обсудить, какую именно сумму в данном случае можно считать достаточной. Поэтому все наши гости пребывали в пессимистическом настроении: сам Гиффорд Джеймс; его дочь Клара; его адвокат, судья Генри Арнольд; Адель Босли, отвечавшая, как вы помните, в Метрополитен-опере за связи с общественностью; доктор Николас Ллойд, которого пригласили в качестве эксперта; и наконец, Руперт Гроув, импресарио Альберто Майона. Всего шестеро, в самый раз для нашего просторного кабинета. Фреда и Пегги на вечеринку не позвали.

Трио Джеймса прибыло сплоченной компанией и с такой пунктуальностью (ровно в девять, тютелька в тютельку), что мы с Вулфом даже не успели мирно допить послеобеденный кофе. Мне стало настолько любопытно взглянуть на первых гостей, что я лично отправился открывать дверь, вместо того чтобы предоставить это Фрицу, нашему повару и дворецкому, который не хуже меня умеет наполнять будни и праздники Вулфа непрерывной радостью. Итак, Джеймсы. Ну, во-первых, меня впечатлило то, как баритон первым шагнул через порог, оставив позади дочь и адвоката. Поскольку время от времени я и сам позволяю Лили Роуэн вытаскивать себя в оперу, его завидный рост, широкие плечи и походка вразвалочку не стали для меня сюрпризом, хотя и удивил его молодежавый вид, ведь Джеймсу было под пятьдесят. Он сунул мне свою шляпу так, словно я появился на свет с единственной целью – принять из его рук шляпу этим вечером в понедельник, пятнадцатого августа. К несчастью, я позволил шляпе упасть.

Клара загладила неловкость, обратив на меня внимание. Уже одно это доказывало ее необыкновенную наблюдательность, поскольку людям несвойственно приглядываться к лакеям, которые впускают их в дом. Заметив, что я роняю шляпу ее отца, девушка устремила на меня взгляд, очень долгий взгляд, словно бы говоривший: «Вы что, работаете тут под прикрытием? Поболтаем позже». Я воспринял это дружелюбно, хотя кое-что меня и насторожило. Клара Джеймс не только была очень бледная и вся на нервах (в точности как описывала Пегги Майон), но вдобавок еще ее голубые глаза так и сверкали – довольно странно для девушки ее возраста. Тем не менее, широко улыбнувшись, я дал Кларе понять, что ее долгий взгляд замечен и оценен по достоинству.

Тем временем адвокат Джеймса, судья Генри Арнольд, сам повесил свою шляпу. В течение дня я, разумеется, навел справки о каждом из них и выяснил, что этот тип удостоился приставки «судья» лишь потому, что некогда заседал в мировом суде при городском магистрате. Признаться, внешность Арнольда меня разочаровала. Судья оказался плюгавым коротышкой с плоской, как подставка для пепельницы, лысиной и приплюснутым носом. Надо полагать, внутри он был значительно лучше, чем снаружи, поскольку среди клиентов этого адвоката были представители бродвейской элиты.

Проведя всех в кабинет и представив Вулфу, я постарался разместить гостей в желтых креслах, но баритон углядел красное кожаное кресло и захапал его себе. Я как раз помогал Фрицу исполнить пожелания прибывших насчет напитков, когда в дверь снова позвонили и мне пришлось вернуться в прихожую.

За дверью обнаружился доктор Николас Ллойд. Шляпы у него не оказалось, так что в этом отношении все прошло гладко. Испытующий взгляд, которым посетитель меня одарил, я счел чисто профессиональным: он, в силу многолетней привычки, тут же попытался прики-

нуть, не страдаю ли я малокровием, диабетом или чем похуже. Приятное лицо в морщинках, внимательные темные глаза – он выглядел врачом на все сто процентов, в полном соответствии со своей репутацией, а она у Ллойда, как мне удалось установить, была просто блестящей. Я проводил доктора в кабинет, где его глаза зажглись при виде столика с освежающими напитками, и на протяжении следующих трех часов он усиленно налегал на бурбон с мятной водой.

Последние двое гостей прибыли вместе, – во всяком случае, они вместе стояли на крыльце, когда я открыл дверь. Пожалуй, я усадил бы Адель Босли в красное кожаное кресло, если бы там уже не расположился Джеймс. Она пожала мне руку и сказала, что давно мечтала познакомиться со знаменитым Арчи Гудвином. Но я не придал этим словам особого значения, учитывая, кто она была по профессии. Почему я отдал бы кресло мисс Босли? Все дело в том, что со своего места за столом я вижу большинство гостей в профиль или в три четверти, и только того, кто сидит в красном кожаном кресле, – анфас. Не то чтобы Адель Босли выглядела как кинозвезда с плаката, да и на момент рождения Клары Джеймс она наверняка уже училась в пятом или шестом классе, но на ее гладкую загорелую кожу, милые карие глаза и изящно очерченные губы, чуть-чуть подкрашенные помадой, было приятно смотреть.

Руперт Гроув не протянул мне руки, однако я на него за это ничуть не в претензии. Возможно, этот человек отлично справлялся со своими обязанностями импресарио Альберто Майона, но в вопросах поддержания физической формы явно не был докой. Мужчина вполне может быть толстым и сохранять при этом некое подобие фигуры – да взять хотя бы Фальстафа или Ниро Вулфа, – но этому типу чувство пропорции определенно изменило. У него были короткие ножки, так что почти вся масса тела пришлась на среднюю треть. Для того чтобы вежливо заглянуть ему в лицо, требовалось определенное усилие. Я это проделал, поскольку должен был составить мнение о каждом из посетителей, но не увидел ничего достойного занесения в блокнот, кроме пары хитреньких, подвижных черных глазок.

Когда и эти двое уселись и получили свою порцию напитков, Вулф пальнул из стартового пистолета. Он извинился перед присутствующими за то, что ему пришлось беспокоить их этим жарким, душным вечером, отметив, что проблему, для решения которой они здесь собрались, можно изучить беспристрастно и справедливо только в том случае, если каждая из заинтересованных сторон получит право голоса. Бормотание, прозвучавшее в ответ, отличалось широким спектром – от согласия до крайнего недовольства. Судья Арнольд довольно агрессивно заявил, что с юридической точки зрения никакой проблемы нет и в помине, поскольку Альберто Майон уже мертв.

– Вздор! – резко осадил его Вулф. – Будь это так, вы сами, человек, сведущий в юриспруденции, даже не потрудились бы прийти сюда. В любом случае цель нашего собрания как раз и состоит в том, чтобы не дать этой проблеме перерасти в спор юридического характера. Сегодня четверо из вас звонили миссис Майон с целью удостовериться, что я действительно уполномочен представлять ее интересы, и она это подтвердила. Действуя от имени своей клиентки, я собрал вас здесь, чтобы получить факты. И в дальнейшем миссис Майон поступит согласно моим рекомендациям. Если я сочту, что ей причитается в качестве компенсации крупная сумма, вы можете, конечно же, оспорить мой вывод; если же я приду к заключению, что миссис Майон не имеет права претендовать на эти деньги, она не станет настаивать. Ввиду возложенной на меня ответственности я должен установить все факты. Таким образом...

– Мы не в зале суда, – огрызнулся Арнольд.

– Совершенно верно, сэръ. Я не судья. Но если вы предпочитаете встретиться в суде, я не возражаю. – И Вулф поочередно обратился к каждому из присутствующих: – Мисс Босли, понравится ли вашему начальству подобная реклама? Доктор Ллойд, предпочтете ли вы давать показания в суде под присягой, или лучше обсудим все здесь? Мистер Гроув, как отнесся бы к подобному судебному процессу ваш клиент, будь он жив? Мистер Джеймс, что скажете? Вам

ведь тоже не нужна огласка, не так ли? Вы же понимаете, в ходе судебного разбирательства непременно прозвучит имя вашей дочери.

– Это еще почему? – профессионально поставленным баритоном спросил Джеймс.

Он хотел было возмутиться, но Вулф остановил его, подняв руку:

– Ну как же, выясняя все обстоятельства инцидента, суд обязательно установит, что непосредственно перед тем, как ударить мистера Майона, вы крикнули ему: «Оставь мою дочь в покое, ты, грязный ублюдок!»

Я сунул руку в карман. У меня есть правило, подтвержденное опытом: всякий раз, когда в помещении присутствует или может присутствовать убийца, пистолет должен быть где-то поблизости. Не считая третьего сверху выдвижного ящика стола, где хранится мой арсенал, подходящим местом, я по привычке перекалдываю один из пистолетов в карман, и делаю это загодя, еще до появления гостей. Вот почему я сейчас сунул руку в карман, зная про вспыльчивость Джеймса. Но тот даже не встал с кресла. А лишь выпалил:

– Вранье!

Вулф фыркнул:

– Десять человек слышали, как вы это произнесли. Вот будет здорово, если вы отречетесь от своих слов под присягой, а потом все десять свидетелей, которых пригласят в суд давать показания, один за другим опровергнут это. Мой вам совет: уж лучше обсудите это сейчас со мной.

– Что вы хотите знать? – встрепнулся судья Арнольд.

– Мне нужны достоверные факты. Для начала займемся тем, что я только что был оспорен. Меня обвинили в том, что я сказал неправду. Давайте разбираться. Мистер Гроув, вы ведь присутствовали при нашумевшем инциденте. Я верно процитировал мистера Джеймса?

– Да, – ответил Гроув, который изъяснялся довольно приятным тенором.

– Вы сами слышали, как он произнес эти слова?

– Да.

– Мисс Босли, вы тоже это слышали?

Она явно колебалась:

– Не лучше ли будет...

– Я вас умоляю. Вы, разумеется, не в суде и не давали присягу, но я только-только приступил к сбору фактов, и меня сразу же обозвали лжецом. Итак, вы слышали, как он это сказал?

– Да, слышала. – Адель метнула взгляд на Джеймса. – Прости, Гиф.

– Но это неправда! – вскричала Клара Джеймс.

– По-вашему, мы все тут лжецы? – напустился на нее Вулф.

Эх, надо было еще в прихожей предупредить ее, чтобы она остерегалась Вулфа. Эта молодая женщина, здорово умевшая сверкать глазами, на беду свою, отличалась такой стройностью, которая невольно наводила на мысль о хроническом недоедании, а Вулф на дух не переносит людей, постоянно умеряющих свой аппетит. Я с самого начала предвидел, что он набросится на Клару.

Как ни странно, она дала ему отпор.

– Я не это имела в виду, – насмешливо отозвалась девушка. – И нечего тут разыгрывать праведный гнев! Я хотела сказать, что соврала отцу. То, что он думал про меня и Альберто, не было правдой. Я всего лишь хвасталась перед ним, потому что... Не важно даже почему. В любом случае мое глупое бахвальство не имело под собой почвы, и тем же вечером я все объяснила папе!

– О каком вечере вы говорите?

– Ну, когда мы вернулись домой... с театральной вечеринки после «Риголетто». Ведь именно тогда мой отец уложил Альберто одним ударом, прямо на сцене. Так вот, когда мы

вернулись домой, я призналась ему, что все, что я рассказывала про нас с Альберто, было неправдой.

– И когда же вы солгали – в первый раз или во второй?

– Не отвечайте, дорогуша, – вмешался судья Арнольд, вспомнивший о своих обязанностях адвоката, и вперил в Вулфа строгий взгляд. – Все это не имеет отношения к разговору. Вы можете получить свои факты, но только те, которые вам действительно нужны. Все, что мисс Джеймс говорила своему отцу, никак вас не касается.

Вулф покачал головой:

– Ну уж нет. – И обвел взглядом наших гостей справа налево и обратно. – Очевидно, я высказался недостаточно ясно. Миссис Майон попросила меня установить, имеет ли она право претендовать на компенсацию, причем право не столько юридическое, сколько моральное. Если выяснится, что нападение мистера Джеймса на мистера Майона было морально оправданно, это в корне изменит ситуацию. – Он, прищурившись, взглянул на Клару. – Имеет ли мой вопрос отношение к делу или нет, мисс Джеймс, я готов признать, что выразился некорректно и, таким образом, мог спровоцировать вас на ложь. Поэтому беру свой вопрос назад и попробую зайти с другой стороны. Давали ли вы своему отцу ранее, до той злополучной вечеринки, повод считать, что мистер Майон соблазнил вас?

– Ну... – Не выдержав, Клара рассмеялась; смех у нее был довольно приятным – звонкое мелодичное сопрано. – Какое милое старомодное выражение! Да, я дала отцу такой повод. Но повторяю: это же неправда!

– Тем не менее вы поверили дочери, мистер Джеймс?

Гиффорд Джеймс с трудом сохранял спокойствие, и неудивительно: столь щекотливые вопросы о чести дочери, задаваемые настырным незнакомцем, кого угодно доведут до белого каления. Но в конце концов, для каждого из присутствующих этот вопрос не был новостью и уж точно имел отношение к делу. Поэтому Джеймс заставил себя говорить и ответил с чувством собственного достоинства:

– Да, я поверил в то, что рассказала мне дочь.

Вулф покивал.

– И довольно об этом, – с облегчением в голосе сказал он. – Рад, что с этим вопросом наконец покончено. – И перевел взгляд на импресарио. – Идем дальше. Мистер Гроув, расскажите мне о деловой встрече в студии мистера Майона, которая состоялась за несколько часов до его смерти.

Толстяк Руперт сидел, склонив голову набок; его хитрые черные глазки без труда выдержали взгляд Вулфа.

– Целью этой встречи, – заговорил он своим высоким тенором, – было обсудить выставленные Майоном требования о выплате ему компенсации за нанесенный ущерб.

– Вы там присутствовали?

– Ну разумеется. Я ведь был импресарио Майона, давал ему советы. Пришли также мисс Босли, доктор Ллойд, мистер Джеймс и судья Арнольд.

– Кто созвал это собрание – вы?

– В некотором роде. Арнольд предложил встретиться, а я рассказал об этом Майону и позвонил доктору Ллойд и мисс Босли.

– Ну и что вы там решили?

– Да, пожалуй, ничего определенного. Остался нерешенным вопрос о величине ущерба, а также о том, как скоро Майон снова сможет петь.

– Какую позицию вы занимали?

Глазки Гроува сузились до щелок.

– Кажется, я уже объяснил, что был импресарио Майона.

– Конечно. Но мне хочется понять, какую позицию вы заняли в вопросе о выплате компенсации.

– Я посчитал, что следует немедленно оплатить первичный ущерб в размере пятидесяти тысяч долларов. Даже если голос Майона вскоре восстановился бы, он уже потерял эту сумму и даже больше того. Турне по Южной Америке пришлось отменить, он также не смог принять участие в записи множества пластинок, оговоренных контрактом, я уж молчу о предложениях от радиостанций...

– О пятидесяти тысячах и речи быть не может, – воинственно перебил его судья Арнольд; несмотря на небольшой рост, глотка у него была что надо. – Я же показывал вам свои выкладки...

– К черту ваши выкладки! Этак каждый...

– Прошу вас! – Вулф постучал по столу костяшками пальцев. – Какую позицию занимал сам мистер Майон?

– Точно такую же, разумеется. – Гроув отвечал Вулфу, но при этом сердито тараторил на Арнольда. – Сумму мы обсудили заранее.

– Естественно. – Взгляд Вулфа скользнул левее. – Как вы восприняли это требование, мистер Джеймс?

– Я считаю, – снова встрял Арнольд, – что мне стоит самому изложить позицию моего клиента. Ты не против, Гиф?

– Да ради бога, – пробормотал баритон.

Судья Арнольд принялся излагать во всех подробностях и болтал почти час, то есть треть всей нашей беседы пришлась на его речь. Меня удивило, что Вулф решил не встречать: небось он позволил судье вволю поразглагольствовать только затем, чтобы лишний раз подтвердить свое мнение об адвокатах. Если так, он не был разочарован. Судья Арнольд не упустил ничего. Ему нашлось что сказать о правонарушителях, которые причинили требующий возмещения ущерб, – тут последовали экскурсы в историю и рассказ о прецедентах, имевших место в последние двести лет; особое внимание он уделил психологическим портретам подобной категории злоумышленников. Кроме того, адвокат всесторонне раскрыл и другую тему – непосредственные причины правонарушений; при этом он заливался соловьем, но пересыпал свою речь таким количеством юридических терминов, что я потерял нить повествования и перестал слушать.

Надо признать, что время от времени Арнольд произносил разумные вещи. Так, например, он заявил:

– Сама идея о частичном покрытии ущерба немедленно не представляется мне приемлемой. Ясно, что, даже если человек признал себя виновной стороной и согласился компенсировать причиненный ущерб, было бы неразумно производить в качестве аванса какие-либо выплаты, прежде чем будет достигнуто согласие о полной сумме компенсации либо определена точная методика расчета этой суммы.

В другой раз он сказал:

– Требование выплатить столь значительную сумму фактически можно охарактеризовать как попытку шантажа. Истцу известно, что в случае перенесения разбирательства в зал суда нам удастся доказать, что клиент вступился за честь дочери, которую совратил мистер Майон. И в этом случае присяжные, скорее всего, откажут ему в возмещении ущерба. Но истцу известно также, что мы предпочли бы не прибегать к подобной тактике защиты.

– Но вы же слышали, – вставил Вулф, – мисс Джеймс утверждает, что ввела отца в заблуждение.

– Если дело дойдет до суда, мы сможем доказать, что Майон ее обесчестил, – стоял на своем Арнольд.

Приподняв брови, я уставился на Клару. Относительно последовательности лжи и правды в ее изложении возникло явное противоречие, но либо они с отцом не осознавали, чем это чревато, либо им просто не хотелось заново углубляться в эти вопросы.

Немного позднее Арнольд произнес:

– Даже если мой клиент причинил своими действиями ущерб, подлежащий возмещению, мы не сможем договориться о сумме выплаты, пока не выясним тяжесть нанесенной травмы. Мы предложили без предварительных обсуждений выплатить пострадавшей стороне двадцать тысяч долларов при условии, что они откажутся от каких-либо дальнейших претензий. Но их это не устроило. Они настаивали на немедленной оплате предъявленного счета. Мы отказались из принципиальных соображений. В итоге соглашение было достигнуто только по одному пункту: первым делом нам следует определить точную сумму ущерба, причиненного мистеру Майону. Разумеется, именно для этого на встречу и пригласили доктора Ллойда. Когда его спросили, каков прогноз, он... Хотя лучше вам все узнать из первых рук. Доктор здесь, пусть он вам сам и расскажет.

Вулф кивнул:

– Будьте добры, доктор.

Я с тоской подумал, что нам предстоит выслушать речь еще одного эксперта.

Но Ллойд сжалился над нами. Он говорил нормальным человеческим языком и не слишком долго. Правда, сперва снова глотнул из стакана (уже третьего) бурбона с мятной водой. В результате часть морщинок на его симпатичном лице разгладилась, а глаза стали менее беспокойными.

– Постараюсь припомнить, – медленно произнес он, – что в точности я им тогда сказал. Сначала я описал ущерб, нанесенный ударом. От него серьезно пострадали щитовидная железа и черпаловидный хрящ с левой стороны и в меньшей степени – перстневидный хрящ гортани. – Он улыбнулся – снисходительно, но не надменно. – Я выждал две недели, придерживаясь назначенного курса лечения. Мне казалось, можно будет обойтись и без операции, но та все-таки оказалась необходима. Должен признаться, что, разрезав ткань, я испытал облегчение: все выглядело не настолько плохо, как я того опасался. Сама операция была несложной, пациент шел на поправку. В тот день я без особого риска мог бы заверить собравшихся, что голос вернется к моему пациенту через два, от силы – через три месяца. Но с другой стороны, гортань – чрезвычайно хрупкий инструмент, а такой замечательный тенор, каким обладал Майон, встречается довольно редко. Поэтому я проявил разумную осторожность, заявив, что буду удивлен и разочарован, если певец не восстановится к началу нового оперного сезона, до открытия которого оставалось семь месяцев. И добавил, что это крайний срок, а сам я настроен значительно более оптимистично. – Ллойд облизнул губы. – Вот и все, кажется. В любом случае я от души поддержал предложение подкрепить мой прогноз заключением Рентнера. Очевидно, именно это станет ключевым моментом в решении вопроса о сумме компенсационных выплат, и я не хотел принимать на себя всю ответственность.

– А кто такой Рентнер? – поинтересовался Вулф.

– Доктор Абрахам Рентнер из клиники Маунт-Синай, – ответил Ллойд таким тоном, словно бы у него спросили, кто такой Чарльз Дарвин. – Я позвонил ему и договорился о консультации на следующее утро.

– По моему настоянию, – самодовольно уточнил Толстяк Руперт. – Майон имел полное право получить компенсацию не когда-нибудь в отдаленном будущем, а немедленно. Ответчики настаивали на том, чтобы уточнить полную сумму компенсации, и я хотел убедиться, что этих денег, черт возьми, будет достаточно. Не забывайте, что на тот момент Майон еще не смог спеть ни одной ноты.

– И на протяжении еще двух месяцев он не смог бы взять даже пианиссимо, – согласился с ним Ллойд.

Тут вклинился судья Арнольд:

– Хочу подчеркнуть: поскольку может сложиться мнение, что мы якобы встретили в штюки предложение услышать заключение второго специалиста...

– Но так оно и было! – пискнул Гроув.

– Ничего подобного! – рявкнул Гиффорд Джеймс. – Мы всего лишь...

Все трое загалдели разом, огрызаясь и ворча друг на друга. Мне казалось, что им стоило бы приберечь силы для решения главного вопроса: получит ли миссис Майон деньги, и если да, то сколько именно, – но какое там! Вулф терпеливо позволил им некоторое время пререкаться, а когда эта троица, как и следовало ожидать, ни к чему не пришла, захотел послушать свежего человека. Он повернулся к Адели:

– Мисс Босли, мы еще не знаем вашего мнения. Чью сторону приняли вы?

Глава 4

Адель Босли сидела, спокойно слушая галдеж и потягивая изредка ромовый коктейль, уже второй по счету, и при этом выглядела, на мой вкус, чертовски разумным человеком в этом сумасшедшем доме. Хотя на дворе была уже середина августа, Адель оказалась единственной из шестерых наших гостей, кто мог похвастаться приличным загаром. На ее смуглую кожу было любо-дорого посмотреть.

Она покачала головой:

– Я не приняла ничьей стороны, мистер Вулф. Я блюду исключительно интересы нашей организации, то есть «Метрополитен-опера ассошиэйтед». Естественно, мы предпочли бы урегулировать вопрос тихо, без лишних скандалов. У меня не имелось своего мнения по поводу... в вопросе, который тогда обсуждался.

– Значит, вы свою позицию тогда не высказали?

– Нет. Я лишь убеждала стороны прийти наконец к компромиссу, если это вообще возможно.

– Да неужели? – злорадно усмехнулась Клара Джеймс. – Вообще-то, вы могли бы и поддержать немного моего отца в благодарность за то, что он пристроил вас на эту работу. Или вы...

– Помолчи, Клара! – властно заявил Джеймс.

Она, впрочем, не послушалась отца и все же закончила мысль:

– Или вы вообразили, что уже сполна с ним рассчитались?

Я оторопел. На лице судьи Арнольда возникло страдальческое выражение. Толстяк Руперт хихикнул. А доктор Ллойд невозмутимо отхлебнул еще бурбона с мятной водой.

Поскольку Адель вызывала у меня симпатию, я надеялся, что она сейчас швырнет чем-нибудь в стройную и глазастую мисс Джеймс. Но мисс Босли лишь воззвала к ее отцу:

– Неужели ты не можешь приструнить девчонку, Гиф? – Затем, не дожидаясь ответа, она повернулась к Вулфу. – Мисс Джеймс всегда отличалась буйным воображением. Того, на что она намекает, попросту не было. И придет же такое в голову!

– Так или иначе, это не имеет отношения к нашей беседе. – Вулф скривился. – Давайте лучше вернемся к прежней теме. Когда именно закончилось то ваше собрание? Все разошлись одновременно?

– Ну... мистер Джеймс и судья Арнольд ушли первыми, где-то в половине пятого. Затем вскоре после этого доктор Ллойд. Я ненадолго осталась с Майоном и мистером Гроувом, потом ушла сама.

– И куда вы направились?

– На Бродвей, там у меня офис.

– Долго ли вы пробыли в офисе?

Этот вопрос, кажется, удивил Адель.

– Я не понимаю... Хотя чем я лучше других? Ну разумеется. Я вышла с работы в начале восьмого. У меня были кое-какие дела, и еще надо было отпечатать конфиденциальный доклад о состоявшейся встрече у Майона.

– Виделись ли вы с Майоном еще раз до его смерти? Может быть, говорили с ним по телефону?

– Виделась ли я с ним? – опять удивилась мисс Босли. – Интересно когда? Вы же знаете, в семь часов его нашли мертвым! А я в то время еще находилась у себя в офисе.

– Вы не звонили ему? Между половиной пятого и семью часами?

– Нет. – Теперь Адель уже была слегка раздосадована таким поворотом беседы. Мне показалось вдруг, что Вулф беспечно топчется по тонкому льду в опасной близости от запрет-

ной темы убийства. Адель тем временем добавила: – Ума не приложу, чего вы хотите добиться своими расспросами.

– Вот и я тоже, – с чувством поддакнул судья Арнольд и саркастически усмехнулся. – Видимо, мистер Вулф, у вас просто вошло в привычку интересоваться, где кто был в момент чьей-либо насильственной смерти. Почему бы тогда не допросить и остальных?

– Как раз это я и собираюсь сделать, – невозмутимо ответил Вулф. – Мне хотелось бы понять, почему Майон решил покончить с собой, ибо это может повлиять на заключение, которое я обязался представить его вдове. Как я понимаю, двое или трое из вас высказывались в том смысле, что к концу встречи мистер Майон был на взводе, но не казался ни подавленным, ни отчаявшимся. Нет сомнений, что он совершил самоубийство. Как правило, полиция не совершает столь грубых ошибок в подобных вопросах. Но почему он это сделал?

– Сомневаюсь, – рискнула ответить Адель Босли, – чтобы вы могли понять, до какой степени певец... тем более такой великий артист, как Майон... что он чувствует, будучи не в состоянии издать ни звука. Он ведь поначалу даже говорил только шепотом. Это для него был настоящий кошмар.

– Мало того, Майон всегда отличался резкими перепадами настроения, – добавил Руперт Гроув. – На репетициях мне не раз доводилось видеть, как он безупречно исполнял арию, а потом выбежал вон в слезах из-за якобы смазанной концовки. Только что парил в небесах, а миг спустя уже лезет под ковер от стыда.

Вулф хмыкнул:

– Так или иначе, мне крайне важно установить, что Майон мог услышать от кого бы то ни было на протяжении двух часов, предшествовавших роковому выстрелу. Это самым непосредственным образом связано с расследованием, которое я провожу по просьбе миссис Майон. Я хочу знать, где каждый из вас был и чем занимался в тот день с момента окончания встречи и до семи часов вечера.

– Бог мой! – Судья Арнольд театрально воздел руки и снова уронил их на колени. – Ладно, не будем с вами спорить, поскольку время уже позднее. Как справедливо сказала мисс Босли, я и мой клиент вместе покинули студию Майона. Мы направились в бар отеля «Черчилль», пили там и разговаривали. Некоторое время спустя к нам присоединилась мисс Джеймс, которая пропустила с нами рюмочку и ушла, полагаю, где-то через полчаса. Мы с мистером Джеймсом сидели в баре до семи, причем все это время никто из нас не звонил Майону и не пытался каким-либо образом с ним связаться. Полагаю, вам этого достаточно?

– Благодарю вас, – вежливо сказал Вулф. – Вы готовы, разумеется, подтвердить этот рассказ, мистер Джеймс?

– Готов, – угрюмо кивнул баритон. – Чушь какая-то.

– Действительно, все это становится похоже на чушь, – согласился Вулф. – Теперь доктор Ллойд? Ваша очередь, если не возражаете.

Доктор, разомлевший от четырех изрядных порций нашего лучшего бурбона, не возражал.

– Разумеется, – дружелюбно сказал он. – Я посетил пятерых пациентов: двух на Пятой авеню, одного на Ист-стрит (это в районе Шестидесятых улиц) и еще двух в больнице. Вернулся домой в седьмом часу, принял ванну и едва успел одеться, как мне позвонил Фред Уэпплер и рассказал про Майона. Конечно, я сразу отправился туда.

– То есть в тот день вы больше не видели Майона живым и не говорили с ним?

– После той встречи – нет. Стоило бы, пожалуй, но кто бы мог подумать... Хотя я и не психиатр, однако все-таки был его врачом.

– Мистер Майон обладал переменчивым характером, да?

– Да, так и было. – Доктор Ллойд облизнул губы. – Разумеется, это не совсем медицинский термин.

– Отнюдь не медицинский, – кивнул Вулф и перевел взгляд на импресарио. – Мистер Гроув, мне нет нужды спрашивать, звонили ли вы Майону, потому что вы признались полицейским, что беседовали с ним в тот вечер. Около пяти часов, верно?

Толстяк Руперт снова склонил голову набок. Очевидно, такая уж у него была манера разговаривать. А затем поправил Вулфа:

– После пяти. Скорее, в четверть шестого.

– Откуда вы ему звонили?

– Из клуба «Гарвард».

Надо же, подумал я, кого только не встретишь в клубе «Гарвард».

– О чем шел разговор?

– Да так, ни о чем особенном, – скривил губы Гроув. – Вообще-то, черт побери, это не ваше дело! Но раз уж остальные подчинились, то и я не стану возражать. Я забыл спросить у Майона, не хочет ли он участвовать в рекламе некоего товара. В агентстве пообещали за это тысячу долларов, но требовали немедленно дать ответ. Мы разговаривали меньше пяти минут. Сначала он сказал, что не хочет этим заниматься, но потом согласился. Вот и весь разговор.

– Можно ли было по его манере говорить догадаться о намерении совершить самоубийство?

– Ни в малейшей степени. Майон был мрачен, но это естественно, ведь он потерял голос и мог бы восстановиться не раньше чем через два месяца.

– Что вы делали после этой телефонной беседы?

– Я остался в клубе пообедать и еще не закончил трапезу, когда распространилась новость о самоубийстве Майона. Так что я остался без кофе и мороженого.

– Какая досада. Скажите, а когда вы звонили Майону, вы не предприняли новой попытки убедить его отказаться от своих требований к мистеру Джеймсу?

Гроув резко вскинул голову.

– Что вы сказали? – оскорбленным тоном спросил он.

– Что слышали, – грубо ответил Вулф. – Что вас так удивляет? Естественно, миссис Майон все мне рассказала, раз уж я взялся помогать ей. Вы с самого начала противились намерению Майона требовать компенсацию и пытались отговорить его. Вы опасались, что газеты поднимут такой шум, что он больше потеряет, чем приобретет. Но Майон заявил, что вы обязаны поддержать его требования, и пригрозил разорвать с вами контракт, если вы не одумаетесь. Так было дело?

– Вовсе нет! – Темные глаза Гроува метали искры. – Даже и близко не похоже! Я попросту поделился с Майоном своим мнением. Когда он посчитал нужным выдвинуть требование о выплате компенсации, я поддержал его всей душой! – Голос Гроува поднялся на тон выше, хотя еще совсем недавно это не представлялось мне возможным. – Промашка у вас вышла, мистер Вулф!

– Ладно, – не стал спорить Вулф. – И каково же ваше мнение теперь? Что вы скажете о требованиях миссис Майон?

– Не думаю, что она имеет право что-то требовать. И вряд ли что-то получит. Во всяком случае, я на месте Джеймса точно не отдал бы ей ни цента.

Вулф понимающе кивнул:

– Она вам не особенно нравится, да?

– Если честно, то да. И никогда не нравилась. А с какой стати миссис Майон должна мне нравиться?

– Разумеется, вы правы. Тем более что вы у нее тоже не вызываете симпатии. – Вулф поерзал в кресле и откинулся на спинку.

Увидев, как вытянулись в струнку его губы, я догадался, что беседа со следующим свидетелем его вовсе не радовала, и нимало не удивился, когда взгляд Вулфа остановился на Кларе

Джеймс. Держу пари, если бы он заранее знал, что ему придется иметь дело с подобной дамочкой, то вообще не взялся бы за это дело.

– Мисс Джеймс, – обратился он к ней не слишком приветливо, – вы следили за ходом нашей беседы?

– Я как раз сижу и гадаю, – посетовала она с явной обидой, – соизволите ли вы обратить на меня хоть какое-то внимание. Я ведь, вообще-то, тоже была в тот день на встрече.

– Знаю. Я не забыл про вас, – произнес Вулф таким тоном, словно бы сожалел о том, что не сумел этого сделать. – Итак, вы посидели немного со своим отцом и судьей Арнольдом в баре отеля «Черчилль», а затем они отправили вас обратно в студию Майона. С какой целью?

Арнольд и Джеймс одновременно принялись громко протестовать. Однако Вулф, не обращая на них никакого внимания, ждал ответа от Клары, чей голос совсем потонул в шуме.

– ...никогого отношения, – закончила она. – Я отправилась туда сама.

– То есть это была ваша собственная идея?

– Целиком и полностью. Время от времени у меня в голове возникают подобные мысли.

– И какова же была цель этого нового визита?

– Вы не обязаны отвечать, дорогуша, – вставил Арнольд.

Клара и глазом не моргнула.

– Они рассказали мне, что происходило на собрании, и я вышла из себя. Я решила, что это настоящий грабеж... но я не собиралась говорить об этом Альберто. Мне казалось, я смогу отговорить его и убедить не выдвигать иска.

– Вы хотели воззвать к нему в память о старой дружбе?

Она довольно улыбнулась:

– Вы так чудесно все излагаете! Только представьте – старая дружба у девушки моего возраста!

– Рад, что вам нравится моя манера выражаться, мисс Джеймс. – Вулф с трудом сдерживал ярость. – В любом случае вы отправились туда. И прибыли в студию приблизительно в четверть седьмого?

– Ну да, где-то так.

– Вы встретились с мистером Майоном?

– Нет.

– Почему же?

– Его там не оказалось. По крайней мере... – Клара умолкла. Глаза ее блестели уже не столь ярко. Помолчав, она продолжила: – Так мне тогда подумалось. Я поднялась на тринадцатый этаж и позвонила в дверь, ведущую в студию. Звонок громкий... Альберто специально выбрал такой, чтобы перекрывал пение и музыку во время репетиций... Но мне его не было слышно, потому что дверь там тоже звуконепроницаемая, и, нажав кнопку несколько раз, я не была уверена, что звонок работает, и на всякий случай постучала в дверь. Я люблю доводить дело до конца, поэтому я еще несколько раз позвонила, а потом сняла туфлю и стала колотить в дверь каблуком. Но, так ничего и не добившись, я спустилась по лестнице на двенадцатый этаж и позвонила в дверь квартиры. Глупо, конечно, ведь я знала, как ненавидит меня миссис Майон, но все равно позвонила. Она открыла дверь и заявила, что Альберто в студии. Но я сказала, что его там нет, и тогда она захлопнула дверь перед моим носом. Я отправилась домой и сделала себе коктейль... Да, кстати... У вас превосходный виски, хотя я впервые слышу о такой марке. – Подняв стакан, она покачала им, разгоняя лед. – Будут еще какие-нибудь вопросы?

– Нет, – фыркнул Вулф, поднял глаза на настенные часы, снова поочередно осмотрел всех присутствующих и заключил: – Я непременно поставлю миссис Майон в известность о том, что вы не пытались утаить от меня факты.

– А что еще вы ей скажете? – любопытствовал Арнольд.

– Не знаю. Посмотрим.

Это им не понравилось. Я бы затруднился назвать вопрос, по которому эти шестеро могли достичь полнейшего единодушия, но Вулфу удалось сделать невозможное, произнеся всего три слова. Все присутствующие хотели услышать если не вердикт, то хотя бы заключение специалиста или, на худой конец, хотя бы намек. Адель Босли проявила настойчивость, Толстяк Руперт аж запищал от негодования, а судья Арнольд, казалось, вот-вот грязно выругается. Некоторое время Вулф терпеливо выжидал, а потом поднялся на ноги и сердечно пожелал всем доброй ночи. Разговор был закончен на такой ноте, что перед уходом никто не поблагодарил нас за поданные напитки – даже мисс Босли, специалист по связям с общественностью, даже доктор Ллойд, в одиночку осушивший целую бутылку бурбона.

Закрыв и заперев на ночь парадную дверь, я вернулся в кабинет. К моему изумлению, Вулф все еще стоял. Застыв перед книжным шкафом, он хмуро взирал на переплеты.

– Никак не угомониться? – вежливо спросил я.

Обернувшись, он вызывающе бросил:

– Мне нужна еще одна бутылка пива.

– Ну уж нет. С обеда вы и так расправились с пятью.

Я говорил спокойно, поскольку привык к подобным спорам. Вулф сам установил себе предел в пять бутылок: именно столько пива он выпивал между обедом и отходом ко сну. Обычно Вулф придерживался этого правила, но, когда что-либо всерьез выбивало его из колеи, он предпочитал перекладывать ответственность на других, чтобы на них можно было отыгаться. Ну что же, это тоже было частью моих многочисленных обязанностей.

– Даже и не надейтесь, этот номер у вас не пройдет, – твердо заявил я. – Я лично считал бутылки. Ровно пять. А в чем дело? Уж полночь близится, а убийца до сих пор так и не найден?

– Вздор! – Вулф плотно сжал губы. – Да разве в этом дело. Если бы требовалось просто найти убийцу, вопрос был бы закрыт еще сегодня. Меня беспокоит треклятый пистолет с крыльшками. – Он уставился на меня, сощурился, словно бы заподозрив, что и у меня тоже имеются крылья. – Я мог бы, конечно, просто закрыть глаза на эту деталь... Но нет, нельзя. Это было бы опрометчиво, учитывая, в каком положении оказались наши клиенты. Нам придется выяснить все досконально. Альтернативы нет.

– Досадное препятствие. Могу ли я чем-то помочь?

– Да. Завтра утром первым же делом позвони мистеру Кремеру. Попроси его быть здесь в одиннадцать.

Мои брови приподнялись.

– Но ведь инспектор Кремер интересуется исключительно убийствами. Мне сказать ему, что у нас имеется нераскрытое убийство?

– Нет. Скажи, что он останется доволен визитом – это я гарантирую. – Вулф сделал шаг в мою сторону. – Арчи...

– Да, сэръ?

– У меня был скверный вечер, и я выпью еще одну бутылку пива.

– Нет. Исключено.

Вошел Фриц, и мы начали наводить порядок.

– Уже за полночь, и вам пора в кровать. Отправляйтесь спать.

– Одна бутылка ему бы не повредила, – пробормотал Фриц.

– Вот уж не ожидал от тебя такого, – с горечью сказал я. – Ладно, предупреждаю обоих: у меня в кармане пистолет. Да что такое вообще творится в этом доме?!

Глава 5

Девять месяцев в году инспектор Кремер из убойного отдела, широкоплечий сидящий здоровяк, смотрится вполне прилично, но летом его лицо обретает из-за жары несколько вульгарный красный оттенок. Поскольку инспектора это сильно огорчает, иметь дело с Кремером в августе сложнее, чем, например, в январе. Если однажды обстоятельства сложатся так, что мне придется совершить убийство, я от души надеюсь, что это случится зимой.

Во вторник около полудня Кремер сидел у нас в кабинете в красном кожаном кресле и не слишком добродушно взирал на Вулфа. Инспектор не смог прибыть к одиннадцати часам – в это время Вулф как раз спускается из оранжереи с орхидеями, – поскольку задержался на другой встрече. Хозяин кабинета и сам не лучился радушием, поэтому я с интересом ждал, когда начнется водевиль. К тому же мне было любопытно взглянуть, каким образом Вулфу удастся втереть Кремеру очки и вовлечь его в расследование убийства, не дав инспектору понять, что таковое вообще было совершено. В конце концов, гость наш был далеко не глуп.

– Я заскочил к вам по дороге в центр, – пробурчал Кремер, – и время уже поджидает.

Держу пари, это была наглая ложь. Кремер попросту не желал признаться, что инспектор полиции по первому же зову примчался к частному детективу, пусть даже и к такому, как Ниро Вулф.

– Небось хотите разузнать насчет дела Дикинсона? – бурчал себе под нос Кремер. – Ну и кто же вас нанял?

Вулф покачал головой:

– Никто, слава небесам. Я хотел поговорить насчет убийства Альберто Майона.

Я изумленно вытаращился на него. Это было выше моего понимания. Разве можно начинать вот так, с места в карьер? А как же обещание, которое Вулф дал клиентам?

– Убийство Майона? – без интереса переспросил Кремер. – Такого дела у меня в производстве нет.

– Скоро будет. Альберто Майон, знаменитый оперный певец. Скончался четыре месяца тому назад, девятнадцатого апреля. В собственной студии на Ист-Энд-авеню. Был застрелен из револьвера...

– А-а, этот, – кивнул Кремер. – Как же, помню. Но вы малость перепутали. Это было самоубийство.

– Нет. Это было убийство с отягчающими обстоятельствами.

Кремер трижды тяжело вздохнул, молча уставившись на собеседника. Потом без всякой спешки достал из кармана сигару, осмотрел ее и сунул в рот. Помедлив, снова взял ее в руки.

– Я подметил одну любопытную закономерность, – сказал он. – Как только зайду к вам, обязательно заработаю головную боль. Еще ни разу не было осечки. Кто говорит, что это было убийство?

– Я сам пришел к такому выводу.

– Ну, тогда сомнений быть не может! – Сарказм Кремера обычно был немного тяжеловат. – Надеюсь, у вас есть какие-то улики?

– Никаких.

– Прекрасно. Улики в работе следователя только помеха. – Кремер снова сунул сигару в рот и, не выдержав, взорвался: – А с каких это пор вы начали выражаться столь лаконично? Продолжайте, черт вас побери, расскажите еще что-нибудь! Аргументируйте свое заявление!

– Ну что же... – Вулф призадумался. – Это будет не так-то просто. Полагаю, вы вряд ли знакомы со всеми деталями, поскольку прошло уже немало времени, да и убийство это было квалифицировано как суицид.

– Я очень неплохо все помню. Как вы сами сказали, этот тип был знаменитостью. Начи-
найте уже.

Вулф откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза.

– Прервите меня, если возникнет надобность. Прошлым вечером я провел беседу
с шестью свидетелями. – Он назвал их поименно и кратко охарактеризовал каждого. – Пятеро
из них присутствовали на переговорах, которые проходили в студии Майона и завершились
за два часа до того, как он был найден мертвым. Шестой свидетель, мисс Джеймс, стучалась
в дверь студии в четверть седьмого, но так и не достучалась по той причине, надо полагать, что
Майон был уже мертв. Мой вывод об убийстве основан на свидетельских показаниях, кото-
рые я выслушал. Я не стану пересказывать их вам по трем причинам: во-первых, это займет
слишком много времени; во-вторых, здесь важны интонации и другие тонкости; и наконец, вы
и сами все это уже слышали.

– Вчера меня здесь не было, – сухо заметил Кремер.

– Вас лично не было. В данном случае под словом «вы» я подразумевал полицию. Все
показания свидетелей – их опросили по горячим следам – запротоколированы и подшиты
к делу. И вчера все шестеро рассказали мне абсолютно то же самое. В случае необходимости
вы можете легко поднять протоколы. Скажите, инспектор, вы помните, чтобы я хоть раз брал
свои слова назад?

– Нет, но порой мне хотелось самому затолкать их вам обратно в глотку.

– Однако вам это никогда не удавалось. Вот еще три слова, от которых я ни за что не
откажусь: Майон был убит. Сейчас я не стану рассказывать вам, как пришел к такому выводу.
Повторяю, вся необходимая информация есть в материалах дела.

Кремер сдерживался из последних сил.

– Я не стану перечитывать материалы, – заявил он, – по одной простой причине. Так,
небольшая деталь: способ, каким было совершено это, как вы утверждаете, убийство. Вы
хотите сказать, что Майон выстрелил в себя, когда кто-то намеренно довел его до ручки?

– Нет. Стрелял убийца.

– Ох и ловкий же он, как видно, парень! Не так-то просто заставить человека разжать
зубы и вставить ему в рот дуло пистолета, так чтобы он тебя при этом не укусил. Кстати, вас
не затруднит назвать имя этого фокусника?

Вулф помотал головой:

– Так далеко я пока не зашел. Но меня беспокоят не ваши возражения – их можно легко
опровергнуть. Однако есть кое-что другое. – Подавшись вперед, он доверительным тоном заго-
ворил: – Послушайте, мистер Кремер, мне вполне по силам в одиночку раскрыть это преступ-
ление, снабдить полицию уликами, препроводить к вам убийцу, а потом, откланявшись, поки-
нуть сцену. Но во-первых, я не имею желания выставлять вас простаком, поскольку это далеко
от истины, а во-вторых, мне нужна ваша помощь. Прямо сейчас я не могу представить дока-
зательства того, что Майон был убит. Я могу только заверить вас, что это действительно так,
и повторить, что эти свои слова мне никогда не придется брать обратно... Ну что, неужели вы
совсем не заинтересовались? Неужели все мои усилия были напрасны?

Кремер прекратил жевать сигару. Он вечно их жевал, вместо того чтобы закурить.

– Ну разумеется, не напрасны, – угрюмо сказал в ответ инспектор. – Я заинтересован,
черт возьми! Еще одна первоклассная головная боль. И я польщен, мистер Вулф, что вы обра-
тились ко мне за помощью. Что конкретно от меня требуется?

– Мне нужно, чтобы вы арестовали двух человек как ключевых свидетелей по делу об
убийстве, допросили их и отпустили под залог.

– Отчего же только двух? Может, арестуем всех шестерых?

Я уже упоминал, что с сарказмом у инспектора были большие проблемы.

– Но... – продолжал Вулф, не слыша его, – тут необходимо соблюсти определенные условия. Эти двое не должны заподозрить, что я имею отношение к их аресту. Им вообще ни к чему знать, что мы с вами встречались и разговаривали. Аресты следует произвести сегодня ближе к концу дня или даже лучше вечером, чтобы они провели за решеткой ночь, да и завтра утром их отпустят лишь после того, как будет внесен залог. Сумма залога должна быть не слишком большой, в данном случае важно другое. Допросы должны быть довольно долгими и пристрастными, не для галочки, и, если арестованным не удастся выспаться ночью, будет даже лучше. Разумеется, подобные вещи происходят у вас сплошь и рядом.

– О да, только этим и занимаемся, – произнес Кремер прежним тоном. – Но представьте, когда мы обращаемся к прокурору за ордером на арест, нас просят предъявить что-то весомое. При всем уважении к вам я никак не могу вписать в бланк, что это делается в качестве услуги Ниро Вулфу.

– Для этих двоих найдется замечательный повод. Показания обоих крайне важны для следствия. Важнее не бывает.

– Вы еще не назвали имен. Что за люди?

– Мужчина и женщина, обнаружившие тело. Мистер Фредерик Уэпплер, музыкальный критик, и миссис Майон, вдова убитого.

На этот раз я с трудом сдержался, чтобы изумленно не вытаращить глаза. Такое в моей практике случилось впервые. Время от времени мне приходилось видеть, как далеко – и порой опасно далеко – заходит Вулф, чтобы уберечь клиента от ареста. Подобный поворот событий он воспринимает как нестерпимое личное оскорбление. И вдруг на тебе: он практически сам попросил представителя закона упечь Фреда и Пегги за решетку – а я, между прочим, только вчера отнес в банк их чек на пять тысяч долларов!

– Вот как, – сказал Кремер. – Значит, речь идет об этой парочке?

– Да, сэр, – с готовностью подтвердил Вулф. – Как вы уже знаете или узнаете, просмотрев папки с материалами дела, этих двоих о многом стоило бы спросить. Мистер Уэпплер присутствовал в тот день на обеде вместе с остальными, а когда все разошлись, он остался с миссис Майон. О чем они говорили? Чем они занимались в тот день, где находились? Зачем мистер Уэпплер вернулся в квартиру Майонов в семь часов вечера? Почему они поднялись в студию вдвоем с миссис Майон? И почему, обнаружив тело, мистер Уэпплер решил спуститься и получить список посетителей у швейцара и лифтера, прежде чем уведомить полицию? Крайне странное решение. Имел ли Майон обыкновение спать днем? Может, он обычно спал, приоткрыв рот?

– Премного благодарен, – без особой признательности процедил Кремер. – Просто поразительно, как легко вам удается выдумывать вопросы для свидетелей. Но даже если Майон любил вздремнуть с открытым ртом, сомнительно, чтобы он делал это стоя. Насколько я помню, пуля, пробив ему голову, застряла в потолке. И еще одно... – Кремер упер ладони в подлокотники кресла, и сигара в его зубах опустилась; я подумал, что, наверное, приблизительно под таким же углом в рот Майону вставили дуло пистолета. – Может, скажете, кто все-таки вас нанял?

– Нет, – с сожалением ответил Вулф. – Открыть вам имя клиента я пока не готов.

– Так я и знал. По сути, вы не сообщили мне, черт побери, ни одной конкретной детали! У вас нет ровным счетом никаких улик, а если и есть, вы ловко скрываете их и не торопитесь поделиться. Вы пришли к некоему выводу, который вас устроил и который поможет клиенту, чье имя вы отказываетесь назвать. Теперь вы хотите, чтобы я проверил эту вашу версию, арестовав двух добропорядочных граждан и сунув их в жернова правосудия. Мне и прежде приходилось встречаться с беспардонной наглостью, но на этот раз вы превзошли самого себя. Ну и ну!

– Я уже сказал, что мне не придется брать свои слова назад. Да и вы в результате только выиграете! Да я готов съесть свою шляпу...

– Да стоит посулить вам денег – и вы слопаete одну из своих орхидей!

И вот тут пошла потеха. Я много раз наслаждался, слушая затяжные перепалки этой парочки, но никогда еще страсти не накалялись так сильно. В 12:40 Кремер вскочил на ноги, чтобы немедленно выбежать вон. В 12:45 он снова сидел в красном кожаном кресле, потрясая кулаком и огрызаясь. В 12:48 Вулф возлежал в собственном кресле с закрытыми глазами и делал вид, что внезапно оглох. В 12:52 он с гневным ревом колотил по столу обеими руками.

В 13:10 все было кончено, Кремер признал свое поражение и ушел. Он поставил единственное условие: сначала он пролистает материалы дела и поговорит с сослуживцами, – но это было не важно, поскольку аресты все равно следовало отсрочить до того момента, как судьи разойдутся по домам. Инспектор согласился, что арестантам лучше не знать, что Вулф приложил к этому руку. Так что, пожалуй, формально можно считать, что полицейский пошел на уступки, хотя на самом деле он, скорее, банально прислушался к доводам здравого смысла. Кремер мог сколько угодно игнорировать «три слова», которые Вулф ни при каком раскладе не собирался брать обратно (уж кто-кто, а я знал, насколько серьезно это его заявление), но в глубине души понимал, что следует еще раз внимательно изучить обстоятельства смерти Майона. И допросить в данном случае пару, обнаружившую тело, было нелишним. По существу, единственное, что беспокоило Кремера, – это категорический отказ Вулфа назвать имя своего клиента.

Следуя за Вулфом в столовую на ланч, я заметил, обращаясь к его мощной спине:

– Ранее в городе и предместьях насчитывалось восемьсот девять человек, мечтающих отравить вас. Теперь добавятся еще двое, итого – восемьсот одиннадцать. Не обманывайте себя, рано или поздно они обо всем узнают.

– Конечно узнают, – согласился Вулф, отодвигая от стола свой стул. – Но будет уже поздно.

Насколько мы могли судить, за весь остаток того дня ничего существенного больше не произошло.

Глава 6

На следующее утро, в 10:40, я сидел за своим столом в кабинете, когда ожил телефонный аппарат. Я снял трубку:

– Кабинет Ниро Вулфа, Арчи Гудвин слушает.

– Я хотел бы поговорить с мистером Вулфом.

– Он не сможет подойти к телефону до одиннадцати часов. Могу ли я чем-то помочь?

– Это срочно. Говорит Уэпплер, Фредерик Уэпплер. Я звоню из автомата на углу Девятой авеню и Двадцатой улицы. Миссис Майон тоже со мной. Нас арестовали.

– Господи боже! – ужаснулся я. – За что?

– Чтобы расспросить нас о смерти Майона. Нам предъявили ордер на задержание в качестве ключевых свидетелей по делу. Нас всю ночь продержали в полиции и только сейчас отпустили под залог. Я попросил адвоката оформить все нужные бумаги, но я не хотел, чтобы он знал... о наших консультациях с Ниро Вулфом. Так что сейчас адвоката с нами нет. Мы бы хотели немедленно встретиться с мистером Вулфом.

– Ну разумеется! – горячо воскликнул я. – Это что же такое творит полиция! Настоящий произвол! Просто возмутительно! Конечно же, мистер Уэпплер, приезжайте сюда. К тому времени, когда вы прибудете, Вулф уже выйдет из оранжереи. Поймите такси.

– Мы не можем. Именно поэтому я и звоню. За нами следят двое полицейских в штатском, а мы не хотим, чтобы они знали о нашей встрече с Вулфом. Как нам уйти от слежки?

Можно было сэкономить время и силы, посоветовав попросту не обращать внимания на слежку: парочка полицейских на хвосте им бы никак не повредила, но я решил подыграть Уэпплеру.

– Господи ты боже! – с отвращением выдохнул я. – Эти копы мне самому уже поперек горла. Вот что. Вы меня слушаете?

– Да.

– Отправляйтесь в Бумажную компанию Федера на Западной Семнадцатой улице, дом пятьсот тридцать пять. Там спросите мистера Сола Федера и скажете ему, что ваша фамилия Монтгомери. Он проведет вас к выходу на Восемнадцатую улицу. Там где-нибудь поблизости будет стоять такси с носовым платком на ручке дверцы. В такси буду сидеть я. Не теряя времени, запрыгивайте в машину. Все понятно?

– Кажется, да. Только повторите адрес.

Так я и сделал, а затем попросил Уэпплера выждать десять минут, прежде чем отправляться, чтобы дать мне фору. Затем, положив трубку, я поднял ее снова и позвонил предупредить Сола Федера, после чего наскоро связался с Вулфом по внутренней линии и выбежал из дому.

Я пожалел, что не попросил Фреда подождать подольше – минут пятнадцать или двадцать, потому что едва успел добраться до Восемнадцатой улицы к оговоренному времени. Как только такси остановилось и я высунулся, чтобы привязать платок к ручке дверцы, эта парочка тут же рванулась мне навстречу с такой скоростью, словно за ними гнались черти. Я распахнул дверцу пошире, и Фред практически забросил Пегги внутрь, а затем нырнул вслед за ней.

– Все идет по плану, – сказал я водителю и скомандовал: – Поехали. Адрес вам известен.

И мы рванули с места.

Когда такси свернуло на Десятую авеню, я спросил у наших клиентов, успели ли они позавтракать. Они ответили утвердительно, хотя и без всякого энтузиазма. Честно говоря, мне начало казаться, что они совсем пали духом. Легкий зеленый жакет, который Пегги надела поверх золотистого хлопчатобумажного платья, выглядел помятым и не очень чистым, а от макияжа у бедняжки осталось одно воспоминание. Глядя на Фреда, можно было подумать, что

волосы его уже с месяц не знали расчески, да и его модную вельветовую рубашку никак нельзя было назвать опрятной. Они сидели, держась за руки, и с интервалом примерно в минуту Фред оборачивался, чтобы устремить взгляд в заднее окно автомобиля.

– Все в порядке, мы от них оторвались, – ободрил я его. – Сол Федер как раз и нужен для таких вот нештатных ситуаций.

Поездка заняла всего пять минут. Когда я едва ли не бегом проводил их обоих в кабинет, Вулф уже сидел в своем сделанном на заказ кресле за рабочим столом. Он приподнялся, чтобы поприветствовать наших клиентов, спросил, удалось ли им плотно позавтракать, и объявил, что новость об их аресте поразила его самым неприятным манером.

– Прежде всего я хотел бы уточнить! – выпалил Фред, все еще стоя. – Мы пришли к вам за советом на условиях конфиденциальности, и сорок восемь часов спустя нас арестовывают. Вы считаете это простым совпадением?

Вулф, поерзав, поудобнее устроился в своем кресле.

– Так у нас дело не пойдет, мистер Уэплер, – произнес он без малейшего раздражения. – Если вы настолько взбудоражены арестом, вам следует выйти на воздух и успокоиться. Вы и миссис Майон – мои клиенты. И оскорбительный намек на то, что я способен поступить вопреки интересам своих клиентов, настолько нелеп, что я даже не желаю это обсуждать. О чем вас спрашивали полицейские?

Но Фред не унимался.

– Вы не доносите на клиентов, – сказал он. – В этом я не сомневаюсь. Но я не настолько уверен в этом вашем Гудвине. Допустим, он тоже не сделает ничего такого специально, но он мог проявить неосторожность в разговоре с кем-нибудь.

Вулф покосился в мою сторону:

– Арчи, ты проявил неосторожность?

– Нет, сэр. Но мистер Уэплер может не спешить с извинениями. Я же понимаю, что у них обоих выдалась нелегкая ночь. – Я посмотрел на Фреда. – Присядьте и успокойтесь. Имей я длинный язык, то и недели не продержался бы на этой работе.

– Но согласитесь, это чертовски странное совпадение, – продолжал упорствовать Фред, усаживаясь. – Миссис Майон тоже так считает. Верно, Пегги?

Пегги, сидевшая в красном кожаном кресле, бросила на него взгляд и снова уставилась на Вулфа.

– Да, пожалуй, это действительно странно, – признала она. – Да, я тоже так думала раньше. Но теперь, когда мы здесь встретились с вами... – Она взмахнула рукой. – Не обращайтесь внимания! Нам не к кому больше обратиться. У нас есть знакомые адвокаты, разумеется, но мы бы не хотели рассказывать им, что знаем про... насчет пистолета. Мы уже все вам рассказали. Но теперь полиция что-то заподозрила, и, хотя нас выпустили под залог, вам необходимо что-то срочно предпринять!

– Кстати, что вам удалось выяснить в понедельник вечером? – спросил Фред. – Вы упорно не желали говорить, когда я вчера спрашивал вас об этом по телефону. Что эти люди вам рассказали?

– Они подтвердили факты, – ответил Вулф. – Как я сказал по телефону, кое-какой прогресс есть. Мне больше нечего к этому добавить... пока что. Но я хочу знать, я должен знать, что от вас было нужно полицейским. Они в курсе, что вы рассказали мне о пистолете?

Оба ответили отрицательно.

Вулф хмыкнул:

– Тогда у меня есть все основания просить вас отказаться от мыслей о предательстве с моей стороны или со стороны мистера Гудвина. Итак, какие вопросы вам задавали в полиции?

Перечисление вопросов заняло добрых полчаса. Копы не пропустили ни единой детали в общей картине, как они ее себе представляли, и, следуя инструкциям Кремера быть по воз-

можности дотошнее, разобрали ситуацию вдоль и поперек. Не ограничиваясь днем смерти Майона, следователи во всех подробностях расспрашивали Пегги и Фреда об их чувствах и поступках до и после случившегося. Мне несколько раз пришлось прикусывать язык, чтобы удержаться от вопроса: что помешало вам послать копов куда подальше? Впрочем, ответ уже был мне известен: они оба были здорово напуганы. А испуганный человек – это лишь полчеловека. Когда рассказ о злоключениях наших клиентов подошел к концу, я проникся к ним сочувствием. Мало того, мне даже стало стыдно за Вулфа, и тут вдруг босс выдернул меня из тягостных раздумий.

Какое-то время он молча сидел, постукивая кончиком пальца по подлокотнику кресла, а затем посмотрел на меня и довольно резко произнес:

– Арчи, выпиши чек на пять тысяч долларов на имя миссис Майон.

У них обоих округлились глаза. Я поднялся с места и направился к сейфу. Они же потребовали немедленно объяснить, что происходит. Я тоже решил послушать, встав у закрытой дверцы сейфа.

– Я отказываюсь заниматься вашим делом, – бросил Вулф. – Я больше не желаю этого терпеть. Еще в воскресенье я заявил, что кто-то из вас или вы оба мне лжете, но вы упрямо стояли на том, что говорите правду. Я предпринял кое-какие шаги, чтобы обойти эту вашу ложь, и сделал все, что от меня зависело. Но теперь, когда смертью Майона вдруг заинтересовались в полиции, причем в первую очередь копы обратили свое внимание на вас, я отказываюсь. Риск слишком велик. Я готов поиграть в Дон Кихота, но я не сумасшедший. Разрывая наш контракт, я обязан уведомить вас, что немедленно сообщу инспектору Кремеру обо всем, что вы мне тут рассказали. И если, когда полиция устроит второй раунд допросов, вы сдуру вздумаете опровергнуть мои слова, за исход дела уже никто не поручится. Мой вам совет: ничего не отрицайте и не мешайте полиции спокойно провести то расследование, которое вы поручили мне. Но я должен предупредить: там служат отнюдь не тупицы и полицейские быстро сообразят, что вы лжете, по крайней мере один из вас. Арчи, что ты застрял там с открытым ртом? Доставай чековую книжку.

Я отпер дверцу сейфа.

Никто из них даже не пискнул. Видно, из-за усталости быстрота реакции притупилась. Когда я вернулся к своему столу, они так и сидели, глядя друг на дружку. Голос Фреда раздался, только когда я поднес ручку к чековой книжке:

– Но вы не можете с нами так поступить! Это неэтично!

– Ха! – фыркнул Вулф. – Кто бы говорил об этике! Вы сначала просите меня помочь выбраться из сложной ситуации, а потом открыто лжете мне. Между прочим, вечером в понедельник я действительно сдвинулся с мертвой точки. Я выяснил все, кроме двух деталей, но беда в том, что одну из этих деталей от меня скрываете вы. Мне необходимо знать, кто положил пистолет на пол рядом с телом. По моему убеждению, это сделал кто-то из вас двоих, но вы упорно не хотите в этом признаться. Тут я беспомощен, как ни обидно, хотя я также совершенно убежден, что вы оба не имеете никакого отношения к смерти Майона. Будь у меня...

– Что вы сказали? – вскричал Фред. Теперь с реакцией у него все было в порядке. – Вы убеждены, что мы оба не замешаны в убийстве?

– Совершенно верно.

Фред вскочил с кресла. Подлетев к столу Вулфа, он уперся ладонями в крышку, нагнулся над ней и вызывающе произнес:

– Вы это серьезно? Посмотрите на меня. Откройте свои глаза и посмотрите на меня! Вы это серьезно?

– Да, – ответил ему Вулф. – Серьезнее не бывает.

Фред тарачился на него еще некоторое время, после чего выпрямился.

– Очень хорошо, – сказал он уже без всякого вызова. – Это я положил пистолет на пол.

Со стороны красного кожаного кресла до нас донесся горестный вопль. Пегги вспорхнула с места и, подбежав к возлюбленному, обеими руками схватила его за локоть.

– Фред! Нет! Фред! – умоляла она.

В жизни бы не подумал, что женщина вроде Пегги способна так вопить, но у нее, разумеется, тоже после ночи, проведенной в полицейском участке, сдали нервы. Фред накрыл ее ладонь своей, но потом посчитал этот жест неподходящим и просто заключил Пегги в объятия. Еще с минуту никто другой для него не существовал. Но потом он все-таки повернулся к Вулфу и заговорил:

– Впоследствии я могу пожалеть об этом своем признании, но тогда и вам тоже придется пожалеть. Богом клянусь, придется! – В голосе его звучала убежденность. – Да, я солгал вам. Это я положил пистолет на пол. Теперь дело за вами. – Он крепче прижал к себе вторую нашу клиентку. – Я сделал это, Пегги. Только, пожалуйста, не говори, что я должен был рассказать тебе... может, и должен был... но я не мог. Все будет хорошо, родная, обещаю тебе, все непременно будет хорошо...

– Садитесь, – ворчливо сказал Вулф. Подождав немного, он повторил это уже приказным тоном: – Проклятье, да сядьте же!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.